Варвары

Глава I, в которой только намекается на жестокость Крулла и коротко рассказывается о налете гильветов

1. Повествование относится ко 2-й половине I века до н.э.
2. Гельветы - кельтский народ, живший на территории нынешней Швейцарии (в Гельвеции). Когда одно из 4-х основных племен гельветов - тигурины - летом 58 г. до н.э. в битве при Бибракте весьма жестоко (даже по меркам того времени) победило куда более сильных и многочисленных эдуев, живших между Луарой и Соной, не оставив никого в живых, и двинулось на запад, представляя реальную опасность Риму, эдуи обратились за помощью к римскому наместнику; тот направил донесение Цезарю (102-44 гг.до н.э.), в Риме же ошибочно прочитали "гИльветы". После этого слово "гильветы" долгое время обозначало о-о-чень жестоких варваров вообще, без привязки к конкретному племени.
3. Крулл и Горр - наиболее известные мифологические персонажи варваров из древнеримского эпоса.

Даже бог войны Марс Копьеносец в жестокости безграничной своей не ведал,
Что столь кровавые и жестокие набеги варварские на римские лагеря возможны,
Но тогда лишь, как проводит их Крулл, вождь племенной гильветов ужасных.
Много таких набегов страшных было, об одном из них вам поведать хочу.
Узнал Крулл: в маленькую естественную гавань много римских галер зашли
Запасы еды и пресной воды пополнить - к концу, истощившись, уж подходили.
Галеры большие, нагружены тяжело, вода морская не достает до палубы чуть.
Хоть не знал Крулла шпион, какой груз римляне везут, решен был набег.
Однако помыслить не мог Крулл, что на галерах римских этих тяжелых.
Ожидал, рабов разных боги римские ему пошлют, но не таких, и столь много.
Но - рабынь две тысячи с лишком! Отборных рабынь, самых лучших из лучших.
На всех почти известных Империи товара живого аукционах их закупали.
Даже Венера Обольщающая не нашла б нигде во Вселенной никого прекрасней.
Самые чувственные женщины с фигурами отборными, самые красивые девочки,
Обучение длительное прошедшие в гаремах Востока лучших из лучших.
Во всей Империи великой, ее городах и колониях дальних чудеснее их не было.
На деньги бретанцев, Риму покорных, их закупили, туда направлялись галеры.
Сам венценосный Цезарь в месяц последующий должен был посетить острова,
Наместником недоволен был, в воровстве злом подозревал и мздоимстве.
К визиту наместник готовясь, рабынями теми императора умилостивить хотел.
Слишком римские моряки медлительны и неповоротливы на суше оказались,
А охрана галер - малочисленна слишком и к сраженью с варварами не готова.
Мгновенно вырезаны римляне большей частью оказались, меньшей - пленены,
Как гильветы Крулла с гор в бухту ринулись на противника во внезапном набеге.
Это лишь самое начало истории длинной я рассказал из того, что хотел,
А теперь, с духом собравшись, к оргии гильветов живописанию приступаю,
Оргии жестокой и беспощадной, ибо репутация зверская воинов Крулла
Славилась не лишь средь варваров, крови не брезгающих, но и в Империи всей.

Глава II, в которой рассказывается о жестоких игрищах, заканчивающихся кастрацией и смертью пленных римлян

Большинство женщин плененных воины на галерах захваченных оставили,

Чтоб потом их использовать, как Крулл к тому разрешение даст свое,
А утро всё смертельным спортом с мужчинами римскими занимались,
Которым Громовержец Юпитер не позволил в сражении честно погибнуть.
Одно из соревнований было - два крепких нагих юноши друг против друга,
Кто лучше из них ногами биться умеет, рук не в праве, и не в силах применить.
А чтоб обмана в игре этой не было никакого, кулачного боя или борьбы,
Перед соревнованием жестоким руки им обоим около плеча самого отрубали.
Но дабы кровью быстро они не истекли, дабы развлечь воинов до конца,
Шнуром короткие обрубки им перевязали и крепко затянули, сколь могли.
Игра же проста была очень - каждый нагой соперник другого пленника бил
Меж ног со всей силы, сам от ударов соперника своего уклониться пытаясь.
Потому как коварно неправду им люди Крулла пред игрой сказали,
Что победитель невредимым в живых останется, а проигравший - без ног.
Невероятное зрелище - молодые римляне нагие с руками отрезанными
Пытаются тестикулы разбить друг другу для завоевателей развлечения.
Еще удивительней посторонним - возбуждение бойцов поневоле.
От ударов своих и чужих, от криков зрителей, их окруживших,
Пенисы римлян напряглись, поднялись, встали почти вертикально,
Но не застыли, а качались из стороны в сторону при движении каждом.
Бойцы плакали открыто, слез своих не стесняясь, только с глаз стряхивая их,
Однако не мешало им это на соперника нападать, бывшего друга,
В надежде боем прекрасным своим, и ударов точностью варваров поразить,
Тем самым жизни остаток безрукой в награду от врага жестокого получить.
Десяток пар обрубленных римлян молодых боролись одновременно
На берегу залива, группами кричащих победителей окруженные.
Но даже варваров грубые крики не могли агонии стонов заглушить,
Когда поверженные бойцы с тестикулами расплющенными наземь падали.
Боролись они жестоко и отважно, нанося ужасный вред сотоварищу,
Но даже победителю в схватке той жизнь заслуженная не доставалась.
Смертельный удар неожиданный в спину копьем острым и одному, и другому -
Единственной наградой от гильветов было после боя для соперников обоих.
Как всех бойцов безруких казнили, гильветы к новой забаве приступили,
С простым очень и звучным названием "Копье и Шары".
Длинные кожаные ремни по двадцать локтей для этой игры приготовили,
А несколько пар римлян нагих с руками связанными спинами друг к другу поставили.
Гениталии им накрепко перетянули, но по-разному стороне каждой.
Тем, кто слева, ремнем этим пенис - "Копье" - под самым корнем завязали,
А справа, петлёй, - мешочек с тестикулами, под пенисом висящий - "Шары".
Ремни же меж ног им пропустили и вместе попарно соединили крепко.
По сигналу кнутами воловьими римлян по ягодицам и спине бить начинали,
Чтобы заставить их как можно быстрей друг от друга бежать.
А как на сорок локтей разбегались пленники испуганные,
Ремень с хлопком натягивался и останавливал несчастных.
Мгновенным рывком ремень гениталии римлянам отрывал одновременно,
Один из них аккуратно кастрирован оказывался, но живой к несчастью,
Другому больше везло - пенис с куском мяса отрывало, он навзничь падал,
Сразу крови струя из него хлестала, быстро до смерти желанной истекал.
Но много еще живых римских пленников оставалось, потому
Гильветы еще два варианта той же игры использовали.
Сначала дюжину юношей поставили позади четырех скакунов,
Гениталии римлян - вместе пенис с тестикулами - петлями стянули.
Петлей этой ремни заканчивались - длинные, более тридцати локтей.
Другой же конец каждого ремня к лошадям привязан был.
Смеялись гильветы, пальцами показывая на пенисы поднявшиеся
Пленников, в стороне стоящих - очереди своей дожидающихся.
По свистку длинные кнуты по ягодицам юношей и крупам скакунов
Ударили, к соревнованию в беге принуждая, по склону вниз к морю.

Но скорость людей и животных очень неодинакова оказалась,
Хоть, спасая себя, бежали римляне так, как никогда до того не приходилось.
Один за другим пленники от лошадей на всю длину ремня отставали
И спотыкались, петлей, гениталии рвущею, вперед толкаемые,
Катастрофой это было для их мужественности отрывающейся,
Падали римляне, и крови фонтаны к богам безмолвным взывали.
А части мужские главные, вместе оторванные, сначала кверху взлетали,
Потом на длинном ремне в тридцать локтей за лошадьми волочились,
На бугре каждом и каждом камне лежащем подпрыгивая,
Смех варваров, оценивающе взирающих и любующихся, вызывая.
Еще лошадей для похожего игрища гильветы использовали.
В длинный ряд большинство оставшихся пленников еще живых выстроили,
Перед ними опрокинутую колесницу, с галеры снятую, уложили.
И ремни, гениталии перетягивающие, к этой колеснице притянули.
Как у бегунов, поневоле со скакунами резвыми соревновавшихся,
У этих пленников доблесть мужская тоже к небу восстала - от перетяжки,
От тяжести ремня, половиной своего веса на них давящего,
И от ветра, из стороны в сторону без остановки ремень шевелящего.
За спинами римлян несколько варваров еще прошлись, кнутами играя,
И пленников возможно дальше от колесницы отойти заставляя,
Чтобы ремни в воздухе не ниже полутора локтей над землей зависли,
Оттягивая их набухшие пенисы поднявшиеся и тестикулы напряженные.
Как готово всё было, упряжка конная, гильветами управляемая,
Пред пленниками на полном скаку, ремни натянутые дергая, проскакала,
Петлей связанные гениталии римлян под корень выдирая.
В восторге варвары были, что у большинства несчастных эякуляция тут наступила.

Глава III, в которой рассказывается о первых кровавых игрищах с участием пленных женщин

Для нового развлечения зверского варвары женщин начали использовать.
Самое оскорбительное для свободных Империи граждан это было.
Хуже, чем кастрация, большую часть к смерти тотчас приводящая.
Соревноваться в мастурбации перед зрителями пленники должны были.
Двух рабынь молодых привели, и одежду всю скинуть велели, и паллу, и тунику,
А потом нагими на песок с раскинутыми в стороны широко ногами положили.
Увидели все тогда такие вульвы сочные, что Венера могла позавидовать.
Рабыням же, ударами кнута горячо убеждая, ласкать друг друга приказали:
Соски заострившиеся теребить, клиторы на глазах у мужчин облизывать.
Женщины подчинились, и движения их были подобны Сафо описанным.
Десяток гребцов плененных с пенисами восставшими вокруг них выстроили.
Приказано морякам было, на женщин вожделея, по пенису рукой водить,
Чтоб как можно быстрей потоком спермы своей горячей рабынь облить.
Острые мечи свои гильветы меж ног римлян держали, тестикулы ими покачивая,
И если за минуту-другую пленник сочными сливками густыми не плевался,
Или на взгляд варваров, недостаточно красиво мастурбировал, без азарта,
Головку пениса от посторонних пряча, сразу евнухом он становился.
Не более пяти минут прошло, как с полдюжины мешочков с тестикулами
И отрезанных пенисов вокруг в любви извивающихся нагих рабынь лежало.
Новых пленников тогда добавили, чтоб кастрацией выбывших из игры заменить.
Те же, что успешней оказались, еще по разу, а некоторые по два эякулировали.
Недолго это игрище продолжалось, но женщины нагие уж задыхались
От возбуждения не показного, поскольку, варваров наказания опасаясь,
Со страстью глядели, сколько мужчин на них взирают, пенисы свои натирая.
Полностью с головы до ног спермой покрыты рабыни оказались,
И рты им были залиты, и волосы, и глаза, и животы, и груди

Хоть и немного было у Крулла воинов - всего лишь восемь десятков,
Да еще юнцов дюжина, и мальчишек, пленных рубивших, две дюжины.
Маленький совсем гильветов отряд у Крулла был, но дух воинский таков,
Что они три сотни римских моряков, солдат и рабов легко победили,
А сами всего лишь шестерых потеряли, из них юнцов четверо,
Слишком близко по глупости к сражению скоротечному подобравшихся.
Потому и боялись римляне Крулла, что победа его абсолютной становилась,
Ибо не оставалось свидетелей живых средь солдат побежденных,
Всех Крулл убивать приказывал в кровавой жестокости неописуемой,
Уроком это было для всех воинов, но римлянам надменным недоступным.
Пока молодежь гильветов мужчин плененных добивала успешно,
Взрослые воины приказом Крулла к галерам захваченным двинулись,
Разграбили их, все ценности вынеся, огнем ярким подожгли затем,
А женщин и девочек с судов в загон огороженный кнутами погнали.
Поражены они были красотой богоподобной рабынь и женщин свободных,
Их нарядам сказочным, и количеству, две тысячи составляющему.
Если выкуп за них потребовать, богаче всех в Империи можно стать,
Но торговлей брезговали гильветы гордые - без того, что хотели, брали.

Глава V, в которой рассказывается об унизительной казни побежденного центуриона

Притомившись от забав эротических однообразных, всю ночь длившихся,
Утром вновь гильветы готовы были спортом кровавым заняться -
Время для тех женщин пришло, кто до сих пор взаперти томился
За изгородью высокой близ галер сожженных, и издали лишь видел всё.
Но пред тем побежденный центурион римский был к Круллу связанным приведен,
Тот самый, что над всей галер охраной и моряками командовать был поставлен.
В живых до сих пор центуриона оставили, и охраняли всю ночь внимательно,
Чтоб видеть своими глазами он мог, как кастрировался его отряд весь и вырезался.
В полной одежде боевой оставили его, со всеми повязками наградными.
Тем окончательней победа Крулла была, раз пред таким свидетелем проходила.
Сейчас же ритуал всего Рима сокрушения полного, Империи безбрежной всей
Пред Круллом, в кресле сидящем надменно, показать долженствовало.
Истинного воина римского, по силе лучшим из гильветов равного почти,
Два самых сильных охранника придерживало, хоть связан он был,
Еще же двое раздевать стали, бросая к ногам Крулла торжествующего
Всю одежду его - шлем, ленты, панцирь, кильты, палудамент, тунику.
Когда нагим центурион оказался, гильветы его мускулы налитые увидели,
От напряжения колеблющиеся слегка под кожей гладкой без капли жира.
Стоял с достоинством, выпрямившись гордо, без страха на Крулла глядя.
Вполне воин такой достоин экзекуции церемониальной, - Крулл решил.
Рабыню красивую привели, девочку лет девяти-десяти, обнажив заранее,
И, на колени пред центурионом поставив, ртом пенис его возбуждать велели.
В гареме несколько лет обученная науке Амура, хоть девственна была,
Без колебаний рабыня прекрасная за занятие принялась умело.
Рабыня кровавыми событиями дня предшествующего возбудилась весьма,
Еще - тем, как средь прочих рабынь ее отбирали, паллы и туники на всех задирая,
Еще - тем, что мечта сбылась - пред пенисом хозяина бывшего на коленях стояла,
Еще - молода была очень, Венеры холмик безволосый не брила еще ни разу.
Потому, как закачались пред лицом ее центуриона гениталии внушительные,
Как ладошками его тестикулы громадные обняла, жезл ко рту приблизив,
Сдержать позывы свои естественные не сумев, пузырь опорожнила,
И шумная желтая струя меж ног ее под смех воинов на песок хлынула.
Краской девочка от стыда налилась, но работу свою почетную продолжала.
Языком тоненьким багровую головку поглаживала и нежно губами прикусывала,
Пенис налившийся, в руку ее толщиной, до самого горла в себя вбирала,
Тестикулы, в мешочке качающиеся, пальчиками детскими щекотно перебирала.
Недолго это зрелище, гильветов зело веселившее, продолжалось.
Заметили варвары, как бедра центуриона задвигались девочке ответно,
Губы нервно прикусывать пленник начал, а пенис во весь рост могучий встал.
В сторону тогда девочку отшвырнули, за волосы ее грубо ухватив.
Центуриона низко на корточки усадили, колени ему широко в стороны раздвинув,
А руки за спиной с лодыжками связав, чтоб другое положение принять не мог.
Безопасен пленник теперь стал, и неторопливо Крулл к нему подошел,
Унижением такого противника сильного, отборного средь многих, довольный.
Сзади зайдя, ножнами меча своего начал Крулл центуриона по ягодицам ударять,
Багровые полосы от того на голой мужской плоти выступили, кровь засочилась.
Принужден был от ударов таких жестоких вперед пленник двигаться,
Но лишь на пальцах ступней, дабы не уткнуться позорно носом в песок.
Умело ударял Крулл, как лягушка заковылял сгорбившийся римлянин связанный,
С коленями раздвинутыми и тестикулами, меж поднятых пяток качающимися.
Своего добившись, уткнул Крулл меча острие на груди центуриона в завитки волос.
Тщетно тот равновесие пытался удержать, но не сумел и на спину опрокинулся.
В падении своем губительном, как Крулл рассчитал, всем весом своим немалым
По у земли висящим тестикулам собственным ударил, раздавив их напрочь.
Оценил тут Крулл пленника мужскую силу, ибо тестикул разрушение
Эякуляцию последнюю у того вызвало, лицо центуриона спермы потоком залив.

По знаку Крулла приподняли воины римлянина, вновь на корточки его усадив.
Хоть мешочек с тестикулами как гладкий папирус египетский меж ног провис,
А лицо пленника болью искажено, ни звука тот не издал мужественно,
И пенис его, только что извергнувший, внушительным остался, как римлянин сам.
Последнее оскорбление нанес тогда Крулл римлянину побежденному
На его лицо помочившись, струей едкой варварской липкую сперму смывая,
В завершение ударом меча сильным обезглавив на корточках позорно сидящего
Центуриона пленного, и как воина, и как мужчину полностью побежденного.
Назидательна и справедлива для всех людей кончина его позорная стала,
Ибо не может в живых полководец остаться, столько рабов потерявший,
И столько воинов, не сумевших отпор дать группе варваров малочисленной,
И собственность Цезаря венценосного дорогую защитить не сумевшего.
Теперь, как весть о поражении этом и рабынь потере до Рима дойдет,
Поспешно вновь придется наместнику бретанскому, визитом озабоченному,
Гонцов во все города имперские отправлять рабынь отбирать и закупать,
Дабы инспекция Императора могущественного плачевно не кончилась.

Глава VI, в которой рассказывается о каннибализме гильветов и новых отверстиях в телах женщин

Тем временем как Крулл центуриона казнил столь люто и оскорбительно,
В загоне для рабынь три десятка женщин самых пухлых отобраны были,
Обнажили их, дабы все полюбоваться могли на белые телеса, соком полные,
И, в испуге дрожащих, в круг воинов привели, нового развлечения жаждущих.
На спину сочных красавиц уложили, налитые животы им накрест вспороли,
И, еще живых и кричащих, выпотрошили. Потом копьями их насквозь прокололи,
Через вагину ими нетронутую до горла, и над кострами на вертелах стали жарить,
Дабы с утра голодных гильветов воинов и молодежь накормить досыта.
Более целесообразно это было, чем жестокие убийства бессмысленные,
Ибо редкую в наше время для мира цивилизованного пищу давало -
Заживо над костром жареную плоть женскую молодую сочную и вкусную,
Что куда лучше обыденной оленины иль свинины приевшейся было.
Ради господства плоти телесной и душевной гильветы жили, иного не ведая.
Хоть каннибализм и у них исключеньем считался, в исступление их приводила
Плоть жаренная женщин захваченных, один вид самых мест интимных -
Вульвы, грудей, лядвей с ягодицами, новую жажду крови и похоти вызывая.
Поскольку не было сейчас у гильветов в игрушках для похоти недостатка,
Каждую пленницу лишь для однократной эякуляции использовать было можно,
Убивая ее при этом, и судорогами жертвы предсмертными наслаждаясь,
Прилив крови к пенису вызывающими, где б в женском теле не находился он.
Места же разные использовались для пениса, не только вагина, анус или горло,
Новые отверстия в мясе пленниц гильветы для похоти проделывали.
Почти в любом из отверстий этих при агонии мускулы женские сокращались
Немедленную эякуляцию насильника и убийцы вызывая ответно.
Единственная часть тела женского, дыра в которой, пенисом заложенная,
При агонии мускулов сокращение не вызывающая - груди женские были.
Но так они подпрыгивали возбуждающе при движении пениса, в них вложенного,
Что прекрасными предметами для пытки предсмертной гильветам служили.
Считали варвары, танец самый красивый эротический пленницы умирающей
Тогда именно получался, когда пенис грудь, кинжалом под соском надрезанную,
Всё глубже и глубже пронизывает, оргазм сильный танец такой вызывает.
Ведь всю женщину не надо держать тогда, только в грудь вцепиться достаточно.
В иных же отверстиях в теле пленниц, специально для насилия проделанных,
Конвульсии красавицы предсмертные пенис эрегированный судорожно обжимали,
При этом обильную эякуляцию встречную у насильника вызывая агонией.
К примеру, над ключицами надрезать шею с горлом гильветам нравилось.

В обе стороны тогда можно было пенис просовывать - и к голове, и к туловищу,
И по трубке естественной любой - и по горлу, и по трахее дыхательной,
Куда интересней так пленницу насиловать было, чем просто рот ее использовать.
Еще живот надрезали - около пупка обычно, где пенис кишками плотнее держится.
Еще - под ребрами, лучше слева, чтоб до сердца несчастной пенис дотрагивался,
И самой головкой нежной его затухающее биение неравномерное чувствовал.
Еще - в пахе, рядом с вульвой в пустоту щель вагине параллельную прорубить,
Из естественной в новую переходить тогда можно, в анус оттуда, обратно потом.
Еще - узкий, но глубокий, в мякоть самую, разрез на бедра внутренней стороне
Сделать - там, где у женщины кожа бархатистая самая нежная, и мышцы сплошные.
Так пенис эти мышцы обжимают, что эрекцию вожделенную стократ усиливают,
Хоть из-за обжима этого и сложно в разрезе мышечном пленницу насиловать.
Лишь воины гильветов самые сильные успешно могли бедро использовать,
И то для этого ногу женщины, поднятую горизонтально, фиксировать приходилось,
Вервием, к примеру, привязывать, бедро разрезанное наверх подтягивая.
Еще ж лучше - шипом деревянным к доске прибить, тогда лишь пенис вводить.
Закалка немалая и сноровка для фрикций трудоемких в бедро требовались,
Но наибольшее удовольствие этот способ давал - движение самое малое
Пленницы полураспятой бурю мускулов движения вокруг пениса создавало,
Особенно, если с эякуляцией одновременно в вагине кинжалом шевелить.
При оргии этой кровавой гильветы зачастую женщин даже не обнажали,
Лишь дыры для пениса в одежде прорезая и ленты стягивающие рассекая,
Ибо в агонии предсмертной руками свободными пленница сама платье свое
Разрывала в забытье бесстыдно, наслаждение варвара тем усиливая.

Глава VII, в которой рассказывается о стаде кобылиц, из пленниц гильветами отбираемых

Целью гильветов было всегда над побежденными доминировать полностью.
Но подчинение слабейшего, даже полное, не воспринималось ими достаточным.
Полной властью считали они только смерть, от варварской своей руки принятую.
Хоть одно исключение из правила этого принималось ими - для рода продолжения.
Стадом кобылиц своих называли они пять с половиной десятков пленниц,
Прекрасных самых и молодых, только лишь в возраст детородный вошедших,
Но не худосочных, а выносливых достаточно, с тазом и бедрами широкими,
Не мешающими ребенка, от варваров зачатого, выносить, родить и вскормить.
Отбор стада этого из невольниц всех очень тщательный гильветы устроили.
Сначала из загона женского переполненного потенциальных кобылиц вывели -
Молодых достаточно, с фигурой мясистой и цветом кожи белоснежным только,
Ибо не были черты негроидные гильветам присущи, и получить не хотели их.
Таких больше пяти сотен оказалось, слишком много для племени мобильного.
Этим внимательный осмотр устроили - обнажиться велели, в кучку одежду сложив,
И по одной мимо варваров, строем в две шеренги стоящих, медленно проходить.
Каждый воин в шеренгах "право вето" имел, римлянами самими изобретенное.
Широко использовали при осмотре воины это право - если не устраивал кого
Цвет волос иль форма груди, пленница раздетая вновь в загон возвращалась.
По требованию подходила девушка к гильвету, рот открывала, ноги расставляла,
Зубы свои показывая, или влажность вульвы оценить возможность предоставляя.
В шеренгах сортировку эту около двух сотен прошло, воин ни один, стараясь, не смог
Дефектов никаких в этих женщинах обнаружить. Потому далее отбор продолжался.
Пленниц в круг спинами к варварам поставили на колени, лицами в песок уткнув.
Ягодицы они сами руками раздвинули позорно, детородные места распахнув.
От одной женщины к другой гильветы переходили, разглядывая внимательно
Вульву, вагину и анус, пальцы засовывая, пригодность к деторождению оценивая.
Еще десятков шесть отбракованы при этом были, но всё же слишком много осталось.
Но от осмотра такого возбудились варвары изрядно, пенисы их вверх восстали.
Тогда по сигналу, Круллом данному, оргия одновременная всех воинов началась.

Насильно коитус с пленницей молодой совершить, порой несколько воинов сразу,
А в завершение для совокупления новое отверстие в теле ее проделать.

Глава VIII, в которой рассказывается о впечатлении, которое произвела на Крулла нубийка Оота

Между тем, как невольниц-кобылиц из женщин большого числа отобрали гильветы,
Оставшиеся пленницы без исключения обречены остались на убийства жестокие,
Которым предшествовать будет куда худшее отношение, чем к кобылицам,
Худшее даже, чем к животным домашним, на забой безжалостный предназначенным.
Гильветы гордые понимали прекрасно ценность истинную для себя женщин,
И такими способами эту ценность показывали, чтоб никакого не оставалось сомнения
В умах низших существ, поскольку почти месяц без изнасилований обходились
И выпустить из себя должны они были всю похоть дикую и ярость неутоленную.
Больше десятка разожгли гильветы жестокие вдоль берега огромных костров,
И каждый из них центром кровавого представления оказался, каждый - своего.
От одного костра к другому воины и мальчики варваров переходили неторопливо,
Где за действием лишь наблюдая, где, как участник, к нему присоединяясь.
Ибо невольниц незанятых много весьма оставалось, а куда больше - отверстий
В телах невольниц, как от рожденья женщинам присущих, так и вновь проделанных.
У каждого костра пленниц насиловали, пытали, распинали, резали и жарили -
Одну за другой, не торопясь нисколько, ибо не спешили никуда гильветы жестокие.
Как скульпторы, из мрамора ваяющие, творчески варвары пленниц убивали,
Ибо наслажденье смертью слабых есть награда за сраженье с сильными,
А женщины добычей были и, за исключением немногих, в кобылицы отобранных,
Чтоб семя воинов взрастить, обречены были погибнуть тут на песке окровавленном.
У одного из костров самых больших Крулл покоился на мягкой и теплой подстилке,
Из пленниц нагих составленной, с самой гладкой и нежной кожей отобранных.
Женщин для того вплотную друг к другу на спину уложили, двигаться запретив,
Крулл же поперек пленниц на их животы упругие возлег, племя свое озирая.
Дабы всё же случайным движением никто из женщин вождя тревожить не стал,
В вагину каждой из них пред тем на всю глубину широкий кинжал вставили.
Сосок одной пленницы ногтем Крулл скучающе отковыривал, и кровь из него
Уж выступила, а сосок, до того поднявшийся остро, наполовину отодран был.
Но молчала и замерла женщина, истязаемая гильветов вождем мимоходом,
Понимая, что движение малейшее или возглас смерть немедленную принесет.
Крулл же приказал, чтобы привели ему какую-нибудь игрушку малолетнюю
Для пениса, лишь слегка восставшего, но забавы с ребенком пожелавшего.
По приказу тому нубийку десятилетнюю к вождю в неге скучающему подвели.
По имени Оота. Со смуглой кожей оливковой и прекрасную, как Флора - богиня.
В гаремах Византийских три года обучалась Оота обольщенья искусству,
Где одно из правил гласило: следить за собой, что бы не приключалось.
Потому брови ее были подровнены и насурьмлены, губы кармином покрыты,
Ногти на руках и ногах краской рисованы, а поверх прозрачной туники тончайшей
Накинута была палла узорчатая, золотом вышитая, не грудь, но сосок лишь один
Обнажающая к соблазну, ибо сосок этот наклеенной крошкой самоцветной сверкал.
Воины, Ооту к Круллу приведшие, обнажить ее предложили, но, на платье глядя
Нарядное, вождь отказом ответил, указав лишь тунику ее вверх к шее поднять.
Оота же недаром в гаремах долго обучалась, одежда ее тоже оттуда была,
Потому сама сразу же паллу нарядную с туникой прозрачной лентой подвязала.
Оказалась она потому и одетая слегка, и полностью обнаженная одновременно,
Что куда сильнее естественной наготы, взорам открытой, мужчин всегда возбуждало,
Ибо все платье ее гаремное ровным свертком красочным около плеч собралось,
Лишь их прикрывая, а голову открытой оставляя и все тело оливковое нагим.
Ближе к Круллу подошла Оота, на груди мягких женщин подстилочных наступив,
Не колеблясь нисколько униженным положением их, под вождем лежащих

Способом приемлемым пенис вождя смочить, дабы легче он в анус ее проходил.
Слюни свои до того использовать она и посметь не могла, ибо оскорблением было
Рабыне презренной на вождя всемогущего плевать, иль даже плевок имитировать.
Позу же наездницы сменив, в рот пенис Крулла взять тоже права нубийка не имела,
Ибо не рабыня - игрушка Амурная коитуса позу назначает, но той игрушки хозяин.
Потому руку протянула Оота к фонтану желтому, из вульвы умирающей исходящему,
И, в ладонь теплой жидкости зачерпнув, свой анус и пенис Крулла полила ею,
Что нисколько оскорблением не считалась даже у варваров, ведь жидкость та
Из гениталий исходила - из того места, которым мужчина с женщиной соединяются.
Улыбнулся вождь находчивости рабыни малолетней и, расслабившись, откинулся
На подстилку свою, в испуге замершую, Ооте все действия наездницы предоставив.
В неге будучи от вхождения в анус ребенка мягкого, Круллу для наслаждения
Полного другие еще развлечения требовались, жестокие, как всё у гильветов.

Глава X, в которой рассказывается об огненной забаве Крулла с молодой египтянкой

Потому приказал он, чтобы еще ребенка одного малолетнего к костру его привели.
Два воина с места тотчас сорвались и египтянку прекрасную пред ним поставили.
Стройную, с прямыми длинными волосами черными и лица чертами тонкими.
По знаку Крулла, тунику сняв, обнажили воины у него на глазах невольницу молодую.
Постарше Ооты египтянка оказалась, не меньше, чем лет двенадцать ей было,
Потому уж выросли плотные груди маленькие, увенчанные сосками темными,
Хоть и светлей, чем у нубийки. Холмик Венеры ее детский выбритым чисто оказался,
Отчего вульвы разрез виден высокий, почти весь лобок вертикально пересекающий.
Сказал Крулл, под Оотой скачущей лёжа расслабленно, что видеть хочет страдания
Египтянки молодой и крики слышать, о смерти от боли гильветов умоляющие.
Трое воинов сильных тогда к ней подступили. Двое за щиколотки невольницу взяли
И вверх их подняли, широко ноги ей в стороны растянув между собой изо всех сил.
Третий же палку в кулак толщиной из костра достал и конец ее не загоревшийся
В анальное отверстие египтянки глубоко засунул, чтоб факел сам в ней держался.
Назад отступив и на длинные волосы ее черные, по песку раскинувшиеся, встав,
Огонь на палке, в невольницу вставленной, воздуха набравши, раздувать стал.
Запылал ярко факел меж ног египтянки расставленных, она же так закричала,
Что у всех костров, гильветами разожженных, на ее вопль отчаянный оглянулись,
Хоть пока не от жара она кричала, а лишь от ужаса, факелом вызванного,
И от боли в отверстии анальном, грубой палкой сучковатой причиненной.
Пару лишь выдохов на факел успел третий воин сделать, как огонь открытый
Новые палки участки сумел захватить, и вся она пламенем ярким загорелась.
Остановился огонь лишь у ануса египтянки, его поджаривая, и искры сверкающие
Рассыпая на ноги, на холм Венеры и на ягодицы ее, широко разведенные.
Оттого бедра с ягодицами краснеть заметно начали, новые крики ее вызывая.
Крулл же недостаточным счел, что египтянка молодая лишь снаружи согревается,
Анусом своим палку туго обжав, тем самым огню внутрь проходить не давая,
Потому руки жестом воинам своим на колесницу римскую разрушенную указал.
Без слов поняли его гильветы, вождю послушные, ибо из колесницы торчала
Ось бронзовая, римлянами, на металлы расточительными, туда установленная.
Факел, в египтянку вставленный, почти прогорел, когда толстую ось бронзовую
В шесть локтей длиной воины к Крулла костру принесли, осью той факел заменив.
Из ануса египтянки теперь длинная ось торчала, на пол-локтя внутрь проходя.
На ноги пленницу тогда поставили и вперед нагнули, спиной к костру поставив,
Чтоб новый хвост бронзовый, из голой девочки зада стройного далеко выступающий,
И до отказа в нее погруженный, в жарком пламени костра огромного нагревался.
Когда жар металла раскаленного в утробу ее пошел, пуще прежнего завопила
Невольница, хоть отодвинуться, если не убежать, от пытки огнем пытаясь.
Но твердо воины сильные ее держали, ни на ступню от костра отодвинуться
Не давая - наоборот, с каждым криком все ближе к пламени ее придвигая.

Жар же внутренний, от сфинктера и кишок идущий, всё сильней по египтянке
Распространялся - сначала лицо и шея краской налились, а из глаз слезы хлынули,
Затем стоять сил не осталось, ноги ее подкосились, на корточки упасть попыталась.
Но воины ее под груди с жара обвисшие подхватили, хвостом в костер пододвинули.
Как ось бронзовая цвет от нагрева менять стала, звуки услышали вокруг все
От жира подростка нутряного скворчащего, а потом всплески пламени увидели,
Вырывающиеся из ануса вдоль хвоста раскаленного. Набок голова египтянки упала,
Глаза закатились, ибо сознание она потеряла от жарки кишок своих внутренней.
Удовлетворены этим воины остались, отпустили ее и на спину разрешили упасть,
В расслабленности бессознательной ноги в стороны похотливо раскидывая,
Будто взять себя предлагая, в надежде за это от стержня бронзового избавиться,
А из вульвы ее распахнутой соки женские пошли, на ось падая и паром исходя.
Один воин сначала, другой затем, по головне пылающей из костра вынули,
И по очереди в вагину раскрытую затолкав, огонь затушили, проведя напоследок
По губам вульвы всей, и холму Венеры заодно, дабы осушить полностью жидкости,
Из междуножья пухлого невольницы прекрасной выливающиеся непроизвольно.
Потом, стержень раскаленный из нее вынув, мечи воины с обеих сторон воткнули
В груди прекрасные невольницы еще живой, и, в воздух за них тело приподняв,
К откинувшемуся под скачущей Оотой Круллу поднесли, к лицу его междуножьем
Прожаренным, дабы вкусом мяса живого вульвы молодой насладиться он смог.
За ягодицы горячие прижал к себе вождь египтянку, кровью из грудей сочащуюся,
И, рот открыв широко, зубами мяса прожаренный сочный кусок из ее гениталий
Выдрал, а прожевав, еще один, выше, с холма Венеры. Кивком довольным оценил
Крулл работу воинов своих, ибо как любил он приготовлено мясо вульвы было.
Самый восхитительный вкус гильветов вождь находил в нежных складочках
И клиторе гениталий детских, в огне запеченных, когда заживо ребенок жарился,
И заживо же на вкус опробовался, хоть и редко ему доставалось лакомство это.
Мечтал же о том, чтоб в сознании был до конца ребенок, и на еду эту смотреть мог.
Тут же лишь Оота закуски его зрителем оставалась, и судьбы египтянки опасаясь,
Быстрее и глубже на пенисе огромном вождя заскакала, болью в анусе растянутом
От страха за жизнь свою пренебрегая полностью, лишь, нимфоманке уподобясь,
Соски свои перед ним теребила и улыбалась обольстительно Круллу ужасному.
Ибо мудра была нубийка десятилетняя, до той поры в живых еще оставшаяся.
Понимала она, что интерес к себе постоянный Крулла должна поддерживать,
Что возбужден ею постоянно он быть должен. Если ж от скуки иль пресыщения
Ослабеет в ней эрекция его, развлечению вождя яростному жизнь ее отдана будет.
Египтянка же молодая, живая еще, вульвы губ, клитора и Венеры холма лишенная
Крулла зубами, с мечей гильветов, сквозь груди ее проходящих, в ревущий костер
Движением двух воинов согласованным была брошена. Поверх же тела ее несколько
Свежих бревен закинули, дабы быстрее прогорел ребенок уже использованный.
Крик последний из костра раздался, но смолк быстро. Удачлива была девочка,
Что смерть приняла недолгую, благословением у гильветов это считаться могло.
Вкусной она оказалась и запеченной в меру, быстро и легко мучилась потому.
Другим так в эту ночь не повезет, как ей, пытки гильветов долгие перенося.

Глава XI, в которой рассказывается о новой благородной игрушке Крулла

Новую игрушку поинтереснее для утех своих велел Крулл воинам своим привести,
И двое гильветов, приказ исполняя, вдоль костров к загону женскому двинулись.
У каждого из костров многочисленных забавы кровавые с пленницами проходили,
Причем нигде от женщин, обольщению обученных, опыт их не требовался.
Хоть у большинства опыт этот огромным был, у многих владельцев полученным,
И наслаждения массу могли они бы новым хозяевам в Амура утехах доставить,
Но впустую пропадало умение их, гильветам не требуемое, ибо сами брали они
Лишь то, что хотели; хотели же пыток невероятных и жертв своих страданий.
У одного костра увидели Крулла посланцы женщину красивую, на спине лежащую.

Талией узкой, бедрами широкими и ногами, длине которых Венера завидует.
Мужья за судьбу женщин таких в городах портовых опасаются, ибо всякое бывает…
Вблизи пристаней морских часто их похищают, поскольку прогулку совершает
Госпожа обычно лишь в сопровождении молодых рабынь красивых нескольких,
Сопротивление захватчикам оказать неспособных, а цена добычи увеличивается
От того, что не одна женщина похищенной оказывается, а несколько вместе.

Глава XII, в которой рассказывается об унижениях новой благородной игрушки Крулла

Первое, что Крулл сделать решил, как столь знатная женщина прекрасная пред ним
Тело свое изысканное показала, это - унизить ее, к рабыням обычным приравняв
Бесчисленным, гильветами захваченными, а для того символа власти ее лишить,
Вульвы длинными губами столь необычно украшенными демонстрируемого открыто.
Потому руки мановением приблизиться к себе приказал, по грудям пройдя
Невольниц-подстилок, а как подошла она, ухватился вождь за губы, висящие
Столь низко и гениталиями детскими и мужскими украшенными, и с такой силой
Оттянул, что покачнулась женщина, устоять затрудняясь на неровностях живых.
Другой рукой Крулл кинжал приподнял, движением одним под корень отсек
Губы ее, оформленные столь художественно, и в костер два ошметка бросил,
Ибо ни гениталии бальзамированные, ни кольца с цепочками золотыми
Не прельщали гильветов надменных, к корысти и красоте безразличных.
Закричала пронзительно голая женщина благородная, и от резкой боли жгучей,
И от того, что всё могущество ее одним взмахом кинжала Крулла исчезло сразу.
Ее нагота ее же положение олицетворяла наглядно, теперь же отличия ее от рабынь
Обычных исчезли начисто, любая телом необычным похвальба ее тщетной стала.
Простой рабыней красивой она теперь стала, которую использовать можно было,
Как прочих всех, чтоб пред следующим набегом развлечься. Развлечений кровавых,
Остатки которых на песке лежали, достаточно вполне видела уже она, понять чтобы,
Что жизни ей отныне часы в лучшем случае отпущены, не дни или годы никак.
Тонкими струйками кровь капала со срезов того, что лишь мгновенье назад
Благородство ее определяло, сейчас же стало до нормального размера женского
Уменьшено. Втуне сотни дней работы искуснейшей рабов ее пропали, кто лепестки
Плоти тонкие формировал и вытягивал, и кто гениталии кастратов бальзамировал.
Оттого нагота ее непристойной стала, и, боли и унижения выдержать не в силах,
Неблагоразумно она отпустила тунику задранную, до колен сразу же упала она.
Недоволен этим Крулл оказался, и по знаку его вновь обнажили женщину воины,
И, в поясе переломив, над Оотой, все еще наездницей, нагнуться принудили.
Не прерывала нубийка ни на мгновение пляску свою анальную на вождя пенисе,
Чем одобрение его заслужила, потому приказал Крулл Ооте один из громадных
Сосков удлиненных бывшей женщины благородной, рабыни отныне, сосать.
Тотчас выполнила нубийка молодая вождя приказ, танец свой продолжая.
Будто член мужской сосок взяла она в рот, размеров, до горла достающих,
Не смущаясь нисколько, ибо с возраста трехлетнего играм Амура обучалась
Прилежно учителями и хозяевами многочисленными всё тело использовать,
Рот особенно, тошноту, от размеров больших возможную, преодолевая.
Приходилось Ооте многократно куда сложнее работу выполнять, горло заполняя
Свое до корня заглотанным пенисом, эрекцией бушующим, огромного мужчины
Взрослого, а сосок нубийка по размерам оценила не более двенадцатилетнего
Мальчика члена, но мягче намного, и не проталкивающегося в нее настырно.
С интересом Крулл за действиями Ооты наблюдал, ибо с такой отдачей трудилась
Она над соском громадным, чавкая самозабвенно при этом, будто не грудь женская
У нее во рту была, а пенис настоящий, вот-вот эякуляции обильной ожидающий,
Причем не мешало это нубийке анусом своим роль наездницы Крулла исполнять.
Отменно обучен ребенок был искусству мужчин ублажения, разрешало ей это
Сразу действий несколько независимых исполнять. Сейчас же не могла Оота
Себе позволить ни эрекции Крулла уменьшения, ни эякуляции преждевременной,

Ибо то иль другое, интерес к ней ослабив, к смерти немедленной привело бы.
Потому все игры нубийкой так делались, будто на арене Колизея была она
Пред зоркой публикой многотысячной, каждый жест и гримасу оценивающей.
Вдобавок ко рта движениям сосательным, руками с грудью Оота заработала,
Сдавливая их ритмично и разглаживая, как младенец грудной с матерью делает.
Удивившись, почувствовала тут нубийка, как струйка остренькая ей в нёбо ударила.
Сосок сразу изо рта вынув, руками еще сильней грудь сдавливать она стала,
И Круллу на струйку белую показывать, демонстрируя, что и у женщины не рожавшей
Лактацию вызвать способна, ибо всё, что к ней в рот попадает, эякулирует сразу.
Восхитился вождь Ооты мастерству волшебному и одними руками продолжить
Доение приказал, чтоб убедиться он мог, сколь девочка искусна в невозможном
Волшебного нектара женского добывании, что и исполняться нубийкой сразу стало,
Отчего из мест на соске разных десятки струек на лицо и тело Ооты забило.
Волосы темные ребенка и тело ее оливковое покрыты быстро оказались молоком,
Лишь из одной груди женщины недавно благородной, в рабство свежеобращенной,
А как уменьшаться лактация стала, вновь сосок огромный в рот нубийка взяла,
Дабы полностью сущность молочную женщины иссушить, на вкус ее познав.
"Откуси!", - Крулл неожиданно Ооте приказал. Хоть рабыня новая и не питала
О планиде своей иллюзий особенных, но "Нет!" ее оглушительное раздалось сразу,
Дернулась она, распрямиться пытаясь, отчего воины крепче схватить ее вынуждены
Оказались, чтоб согнутое положение подчиненное сменить не смогла никак.
Нубийка десятилетняя по-прежнему в это время на пенисе Крулла извивалась
Анусом своим, и сфинктера сжатиями периодичными балансировать заставляла
Вождя гильветов грозного лишь на эякуляции приближении, но не оргазме самом.
Потому никаких колебаний в отношении рабыни новой не испытывала нисколько.
Одним движением резким Оота приказ владельца нового выполнила, плотно
Челюсти сжав, и с силой со всей зубы свои острые в основание соска вонзив
Громадного. Крулл же, криком рабыни новой возмущенный, могучий удар кулаком
В лицо, визг непокорно производящее, нанес, дернуться рабыню назад заставив.
Как следствие, сосок свой огромный рабыня сама оторвала окончательно, оставив
У нубийки во рту. Усмехнулась Оота, голову чуть приподняв, чтобы смог убедиться
Вождь, что липкий кусочек кровоточащий, жирную палочку корицы напоминающий,
У нее меж губ сжатых торчит, потом его прямо на тело одной из подстилок сплюнула.
Непристойным это действие было, как и всё, что с плевком связано, и показывало
Презрение Ооты к той, чье молоко только что пила, сейчас же лишь наложницы
Рабыней считаться могла. Показательно такое действие для всего воспитания
Нубийки было, где лишь Амуру место нашлось, мораль же отсутствовала вовсе.

Глава XIII, в которой рассказывается о первом убийстве, Оотой исполненном

Получилось у нее так, что ни с кем у Ооты дружеских отношений никогда не было,
Ибо знала она только учителей своих и хозяев разных, а целью ее всегда было лишь
Собственной жизни сохранение, на иное нечто ни сил, ни времени не оставалось,
Разве что по ночам циновку с другими детьми спящими разделять приходилось.
Да и владельцев с учителями в Амура играх слишком часто ей менять приходилось,
Чтоб привязанности хоть какое подобие возникнуть успело, лишь знаний от них Оота
Набиралась, устраивало это ее вполне, и сожалений никаких при смене владельца,
Либо ожидания ностальгического возвращения его не испытывала она никогда.
Для удовольствия же хозяев и хозяек своих разные вещи делать приходилось,
Не только утехами заниматься. И без брезгливости всякой экскременты свежие,
Из отверстий владельцев выползающие, поглощать Ооте приходилось, и мочой их
Жажду свою насыщать, хоть зачастую не мужчину так она обслуживала, а женщину.
Никакого протеста не вызывало в ней и владельцев желание другой рабыне или рабу
Вред причинить, лишь бы нубийке самой хуже от того не пришлось. А дважды Ооте
По хозяев приказу для развлечения их, самой убийства совершать приходилось,
Что с улыбкой прекрасной своей она делала, действием не колеблясь нисколько.

Вульвы жертвы маленькой дотронулась, а лезвие окровавленное почти на пол локтя
Изо рта ребенка мертвого вылезло. Вздохнула тогда нубийка облегченно,
Ибо хозяева и гости в атриуме работу ее нелегкую одобрили благосклонно.

Глава XIV, в которой рассказывается о втором убийстве, Оотой совершенном

Второе убийство Ооте совершить довелось после первого через полгода примерно.
Хозяин у нее к тому времени сменился в очередной раз, и греку богатому нубийка
Принадлежала. Гости к нему приехали из земель далеких, на восток от Византии
Расположенных. Работорговлей гости эти славились, с товаром большим приехали.
Перед пиршеством благосклонность решили гости эти и хозяин Ооты оказать
Друг другу; потому, рабынь призвавши для компании увеселения, совокупились
Анально все мужчины между собой, расположение взаимное этим демонстрируя,
И первое напряжение Амурное сбросив, с рабынями оргии дальнейшей в ожидании.
Ибо пиршество каждое, хозяином новым Ооты устраиваемое, длилось обычно
Долго - с полудня весь вечер и ночь до утра дня следующего, и не лишь из пищи
Поглощения состояло, но из бесед долгих застольных, танцев и представлений
Венеры с Амуром различных, рабынями грека многочисленными устраиваемых.
Эти же гости с собой много голов товара живого привезли; одной из задач их было
Качество этого товара женского покупателю возможному продемонстрировать,
Дабы не только он приобретения сделал, но и слух всюду пошел о сокровищах,
Коими трое работорговцев богатых из стран далеких восточных располагают.
Несколько десятков товара образцов в залу пиршественную гостями восточными
Востребовано было. Необычной красоты рабыни смуглые с черными гладкими
Волосами длинными пред взорами предстали, торговцы же истории необычные
О родине их рассказывать стали; с открытым ртом небылицы эти Оота слушала.
Что якобы хоронят они мертвецов своих, на костре пред тем сжигая, а пепел
Оставшийся в реку сбрасывая. И что река эта, которую они Матерь-Ганг называют,
Прародительницей всего сущего у них слывет, хоть богиней никакой не является.
Что два года путешествие у торговцев заняло, еще год почти - за рабынями охота.
Зато с собой привезли они рабынь замечательных более тысячи, и возраста разного,
От семи до двадцати лет с лишним. Удивительные рассказы Оота слушала о том,
Как короли тех стран дальних для развлечения своего на простолюдинок охотятся,
Обнажив их предварительно и от выпущенных диких тигров бежать заставляя.
Под утро, как рассказы закончились, грек, Ооты хозяин, решил кулинарией своей
Особой похвалиться, для того в пиршестве одну из рабынь экзотических опробовав.
Выбор его на танцовщице пятнадцатилетней остановился, смуглой, хоть не столь,
Как нубийка; с носом прямым, на римский похожим несколько, но красивей намного.
Большие глаза ее темно-карие с бровями тонкими играли в танце прекрасном,
Отточенность мимики и движений, долгой учебой достигнутых, показывая,
Ароматами трав и пряностей далеких при каждом шаге и повороте благоухая,
И мужчин наблюдающих этими ароматами возбуждая сверх всякой меры привычной.
Не просто танцовщицей прекрасной, лучше, чем из школ всех известных египетских,
Рабыня эта была, акробатике она обучилась с гибкостью сверхъестественной.
Страна ее древней очень считалась, и куда цивилизованней царств соседних, -
Гость сказал, хоть народов всех языка латинского и не знала танцовщица молодая.
Одета же она была в кисею длинную, прозрачную полностью, но из слоев многих,
А в танце своем, Амуру с Венерой посвященному, людям невозможные совершенно
Действия производила она, то коленом своим шею свою же обнимая, то, кувыркаясь,
В такой клубок скрутившись, что где ноги у нее, где голова - непонятно становилось.
Движения необычайные делая, раздевалась постепенно рабыня пятнадцатилетняя,
Паллу свою благоухающую разматывая, и мужчин лица ею задевая намеренно,
Обнажилась же когда, фигуру чудную со всеми подробностями показывать стала.
Фигуре же этой, женственности до краев полной, Венера сама могла позавидовать.
Груди ее круглые плотные столь объемны были, что в двух ладонях растопыренных
Мужчины взрослого не поместилась бы каждая, талия перемычке часов песочных

В ночь эту темную пираты на острова побережье высадились, свой набег совершая
На грека владения, все его богатство захватив, рабынь в том числе, которых продали
Затем на аукционе владельцам новым. Понимала, конечно, при этом Оота - спасена
Жизнь ее молодая временно, никто не может рабыни безопасность гарантировать.
Но в зале той пиршественной очень малое время от смерти ее отделяло, ибо спущен
С цепи медведь уж был, к нубийке подпущен, задачу свою понял и большим языком
Слюнявым начал ее вульву вылизывать. Когда же, охрану убив, пираты ворвались
В залу, начал уже медведь на спину Ооты забираться, пенисом ее ягодицы задевая.
Большую добычу захватили тогда пираты - драгоценности; рабов много; рабынь
И хозяйственных, и для Амура потех воспитанных; животных диких множество.
Оота же с другими рабынями малолетними на аукционе была хозяином куплена
Новым, ее в дом не взявшим, а лишь для услады других рабов использовавшим.
Оскорбляло это нубийку, ибо не к такому к себе отношению приучена была, когда
Раб любой, грязный самый и старый право полное имел в любой момент взять ее
Способом самым разным, причем все знания ее по пенисов мужчин ублажению
Напрасными оказывались, ибо потребности у рабов в навыках ее никакой не было.

Глава XV, в которой рассказывается о принуждении благородной женщины к унизительной мастурбации прилюдной

Потому после испытаний таких и восприняла Оота планиды своей поворот крутой
Спокойно вполне, жалости и сострадания к хозяевам ее прежним не испытывая
Никакого, хоть и понимала, что новое испытание многожды опасней прежних ее
Оказывается, и, смерти ожидаемой помимо, от варваров мучения может ей принести.
Теперь же, отверстием своим анальным пенис Крулла, гильветов вождя, ублажая,
Улыбнулась Оота, тем уж довольная, что предельно унизить сумела женщину,
Только недавно благородной считавшуюся, ныне же варваров рабыню, с соском,
Нубийкой откушенным и позорно на тело вождя одной из подстилок выплюнутым.
Женщина же нагая благородная с глазами, выпученными испуганно и дрожа стояла,
Ибо до того Крулл собственноручно губы большие вульвы ей отсек и в костер кинул,
А только что Оота сосок откусила и плюнула им презрительно. Сейчас же из груди
Поврежденной кровь толчками выплескивалась, частое биение сердца показывая.
Понимала пленница - если на пытки к гильветам - варварам беспощадным попала,
Только смертью может ее испытание закончится, лишь в том вопрос, быстро ли
Наступит она, и что ей еще перенести придется. А эти пытки для нее уже начались.
Подтолкнули ее, чтоб навытяжку с ногами расставленными пред Круллом встала.
Как в капкан пойманное животное беспомощное стояла она, мелкой дрожью дрожа
Пред вождем, на живые подстилки свои откинувшимся. Ооте тогда Крулл сказал,
Дабы возвратила нубийка невольнице громадный ее сосок только что откушенный,
Оота же приказ решила без рук помощи выполнить, чтоб вновь тем рабыню унизить.
Потому меж зубов зажала тогда Оота огрызок окровавленный, размером с палец
Мужчины большой, и шею в сторону рабыни вытянула, не забывая при том скакать
По-прежнему на вождя пенисе, ибо тот уже меч короткий приготовил, дабы снести
Голову нубийке, если, вытянувшись неосторожно, коитус Крулла хоть чуть прервет.
Приказ получив, с ужасом и дальнейших испытаний опасением на кусочек глядя
Тела своего, осторожно руку взрослая невольница протянула и из губ ребенка,
Над ней издевающегося, вытянула свой сосок откушенный. Крулл же в унижений
Дополнение велел ей огрызок себе в отверстие анальное возможно глубже засунуть.
Со стоном отвращения приказ она исполнять стала, средний палец, длинный самый,
Как поршень используя, на всю его длину огромный сосок в свой анус введя глубоко.
Унижением осознанным для женщины благородной это потому было, что до сих пор
Лишь рабыни ее деньги в заднем проходе носили, госпожу с покупками сопровождая.
Монеты самые ценные и золота самородки в кошель смазанный для того помещали,
Нитью длинной перевязанный, а кошель тот для сохранности - в анус или вагину,
Но лишь в рабыни отверстие, ибо способы любые женщины самокасания считались
Мастурбацией презренной, чем никогда не занимались римлянки благородные.

Юные по очереди коитусом безудержным с ними занимались, дабы вагины кобылиц
Всегда влажными оказывались достаточно, ибо постоянно заполнялись до отказа
Спермой варваров молодых, да и соками женскими, против воли выделявшимися.
За десять дней вагины теплая среда влажная, в которой кнута сырьё человеческое
Находилось, смягчала его достаточно, дабы орудие прекрасное сплести мастерицей,
Одной из кобылиц тех же, но в почете некотором за искусность свою у гильветов
Находящейся, и потому на себе не столь много унижений рабских испытывающей.
За лет прошедших несколько с тех пор, как из женских тел кнут изготовлен был,
На упругой плоти многих сотен и сотен пленников и пленниц, от боли кричащих,
Крулл испытал его, и теперь замечательного мастерства достиг в пользовании
Орудием, даже по виду устрашающим, ибо в длину он двадцать локтей превышал.
Столь Крулл с орудием этим управлялся хорошо, что нисколько не помешала ему
Голая темнокожая нимфа десятилетняя, на пенисе взбухшем его анусом своим,
Долгими тренировками разработанным отменно, скачущая, и, к вождя соблазну
Пущему, колени перед его лицом разведя распутно, для чего назад откинувшаяся.
Потому, пенис из Ооты не вынимая, без помех мог Крулл стегать кнутом своим
Рабыню нынешнюю, недавно совсем еще женщину благородную, которую воинов
Двое вниз головой на весу держали, ноги ей широко растягивая и удобству вождя
Раскрытую вульву ее предоставляя, от ампутации губ больших кровоточащую.
Первый удар кнута этого чудовищного двойным ударом по вульвы краям обоим
Пришелся, как раз по мясу, после губ отрезания обнаженному, самым же кнута
Концом острым - по полной груди центру, соска лишенной. Удара след полосой
Багровой по телу всему взбух сразу, посредине же полосы крови капли выступили.
Завопила истошно женщина, понимая, что лишь первый удар получила из многих,
К смерти долженствующих ее привести. Почувствовала она, что Крулл до того ее
Доведет ударами своими, что в мыслях своих и криках сама о смерти скорейшей
Умолять будет, не в силах боле столь болезненного наказания такого переносить.
Не такую, конечно, но и раньше порку на себе испытывала она. Но от мужа лишь.
Не за провинности случалось это, а для того только, чтобы показать он мог ей
И гостям своим, что собственностью она его является, хоть свободной считается.
Перед тем в залу пиршественную муж ее звал, и обнажиться самой приказывал.
Гости, мужем ее званные, во всех подробностях оценить могли тело дома хозяйки,
Преобразованное столь великолепно - соски вытянутые и вульвы губы удлиненные,
К ним прикрепленные на кольцах и цепочках золотых пенисы бальзамированные,
А уж после того к колонне центральной в зале руки и ноги ей привязывали крепко.
У сановников приглашенных на глазах муж тогда плеть брал, и хлестал жену свою,
Полное ее подчинение показывая, ибо права не имела она о снисхождении просить.
Забавным украшением вечера званного представление было, но более важной цели
Служило - властью полной над такой женщиной великолепной свою мощь показать.
После представления такого в обществе высшем известно всем становилось мужа
Ее положение фактическое, властью над женой не в малой мере определяемое.
Но плеть, которую муж использовал, демонстративной все же была, ибо хоть полосы
Болезненные багровые и наносила, но боле никаких повреждений не причиняла.
Крулла же кнут, из женщин изготовленный, к убийству женщин и предназначался -
Поняла это прекрасная женщина благородная, ныне же рабыней ставшая, и внешне,
И по положению своему. По ударов силе и количеству понимала она, что теперь,
В отличие от мужа домашнего наказания привычного, вождь ее до смерти забивал.
Тело женское чувствительное, от ударов извивающееся, вниз головой в положении
Орла с крыльями разверстыми удерживалось, роль же крыльев ее конечности
Исполняли, в разные стороны двумя сильными воинами растянутые. Знали воины
Вождя своего привычки и понимали, что умереть должна она для их наслаждения.

Глава XVII, в которой рассказывается о двух кровавых игрищах, проходивших рядом с костром Крулла

Одновременно с тем, как Крулл своим кнутом чудовищным женщину благородную,

Третий же - в головку пришелся, череп разбив, и мозги младенческие по берегу
Раскидав, что восторга варваров беспощадных ревом неописуемым отмечено было.
Когда же мать ребенка полурожденного, молодая еще совсем, умерла, непонятно
Зрителям сцены этой было, ибо тело ее девическое, от бремени разрешающееся,
Но обнаженное неприлично вовсе и с головой, в вагине животного захороненной,
Болталось беспорядочно в стороны разные вслед за кобылы прыжками неуёмными.
Чтобы представление интересней сделать, плетьми гильветы лошадь и пленницу
Хлестали, отчего еще выше прыжки животного становились, а копыт удары сильнее.
Выпал ребенок из женщины, наконец, за ним пуповины шнур запутанный с последом
К земле потянулся, кнуту толстому подобный, меж ног ее разверстых вложенному.
Копыт удары очередные пленнице по телу ударяли, по грудям, всплесками молока
Фонтанирующего отзывающимися тотчас, ноги ей переломали в местах во многих.
Подобно тряпичной кукле болтающейся, костей не имеющей, пленница тогда стала,
Ибо тело ее вслед за лошади прыжками извивалось, в частях разных складываясь.
Лошадь же, в безумстве от предмета инородного, в нее помещенного, с привязи
Сорвалась, ударами жестокими к тому времени пленнице ноги в бедрах оторвав
И живот перемолов, отчего из-под хвоста животного убегающего лишь верхняя часть
Торса женского торчала, а из него вслед внутренности по песку грязному струились.
Оота же, анусом своим Крулла пенис ублажая все время, дрожала от зрелища,
Страх испытывая и возбуждение одновременно, ибо видела, что от женщины
Остается, вагиной животного пойманной. Кобыла же в панике бежала, крупом
И ногами задними взбрыкивая все время, копытами тело калечить продолжая.
Оттого по частям многим пленницы торс разорвался, лишь руки, к хвосту надежно
Привязанные оставляя, и шеи пень окровавленный из вагины животного торчащий.
Кобылы гениталии склещились вокруг обрубка шеи оторванной, пленницы голову
Отделенную надежно в утробе животного упрятывая, на четверть суток, не менее.
Лишь через этот срок лошади матка расслабится, и, напрягшись, предмет удаляя
Чужеродный, кобыла головой человеческой ожеребится. Зрелище такое забаву
Новую гильветам любопытным обеспечить должно, потому животное изловили,
Привязав крепко, дабы момента невольницы молодой головы рождения не упустить.

Глава XVIII, в которой рассказывается об убийстве благородной женщины и шести молодых рабынь

Оота время это всё сфинктер свой сжимала периодически в такт своим и Крулла
Движениям, стараясь возможно боле услады вождю могущественному доставить.
Сейчас же вперед выгнулась, телом своим темнокожим на живот его плоский ложась,
Руками соски его поглаживая ласково, и головой в грудь его массивную уткнувшись.
В положении этом вульва ее детская, несформировавшаяся еще, губками своими
Покалывание чувствовала прижатых к ней твердо завитков черного кустарника его,
Огромный пенис окружавшего. Нравилось ей покалывание это, ибо сама по возрасту
Малолетнему неспособна еще была никак волосы на Венеры бугорке отрастить.
Боле же тем возбуждало ее покалывание это, что мощь необычную показывало
Варварского хозяина ее теперешнего, обладающего ее анусом столь небрежно.
Ибо дикарство властителя тем уже демонстрировало, что не желал сбривать он
Растительность свою могучую, позволяя ей без помех во весь рост увеличиваться.
В странах же всех цивилизованных, у хозяев всех, с коими до тех пор дело нубийка
Имела, кожа лишь гладковыбритая ухоженная пенис окружала, что ощущение скорее
Поцелуя давало ей, нежели нынешнего насилия жесткого. Покалывание это вконец
Удостоверило, что в действительности игрушкой покорной в Крулла руках является.
Что Оота - лишь рабыня для любых Венеры потех, и роль ее - выложиться до конца,
Наслаждение хозяину доставляя, кто бы ни был хозяином этим. Самых любых потех,
И те включая, которые к смерти ее приводят, лишь бы владельцу своему угодить,
Хоть и понимала при том, что испугается жизнь потерять, избежать это попробует.
Но при том знала нубийка, что за жизнь ее борьба, ужас ее перед смерти лицом,
И агония предсмертная лишь наслаждение хозяину добавит, как время ее придет.

Ныне же время жизни не для Ооты пока оканчивалось, а лишь для рабыни, коя ранее
Была женщиной знатной, а сейчас вождем смертельным ударам кнута подвергалась.
Того кнута, что из сухожилий рабынь сделан был, а ныне по вульве разверстой бил.
Бил, нубийку с себя не ссаживая, из положения лежачего, однако в цель попадая.
Резко закричала пленница, когда кнут тот убийственный в месиво превратил
Гениталии, покровы прорвав, и из утробы открытой потроха ее вываливаться стали.
Закричала, но замолкла быстро, сознание потеряв, отчего Крулл интерес потерял
Всякий к порки продолжению, и воинам, ее за конечности держащим, приказал
Тотчас пленницу в костер переложить, что и выполнилось ими незамедлительно.
Но от жара полышущего вновь пленница очнулась и воплями берег весь огласила.
Груди ее налитые, подкожным жиром человеческим наполненные до распирания,
Расплавились и полыхнули огнем ярким сразу, с волосами вместе, сама же она,
Пытками предыдущими измученная, не способна была сама хоть как-то положение
Свое изменить и из тартара сверкающего, в который брошена была, выползти.
За волосами и грудями вслед остальная плоть ее скворчать начала и гореть в костре
Жарком. Обычным топливом она стала и тело ее уподобилось бревнам обычным,
Рядом с ней в покое лежащим, и пламенем своим темноту вечернюю разгоняющим.
Пленница же, в огне сгорающая, на новые игрища вечерние варваров вдохновила.
Игрища новые эти жестокие, к смерти мучительной жертв неминуемо приводящие,
Постройки некоей примитивной требовали, как задумывалось. Но гильветы-воины
Обыденными работами, со сражениями не связанными, не занимались, брезгуя,
Для дел позорных лишь ко всему готовых невольниц-кобылиц своих используя.
Под воинов присмотром собрали быстро кобылицы, строительным делам обученные,
Постройку, из длинного бревна состоящую, горизонтально над землей установленного
В десятке локтей, и треногами бревенчатыми с обеих концов прочно удерживаемого,
Другие же гильветы из загона женского полдюжины молодых невольниц пригнали.
Обнажили невольниц воины, в круг собравшиеся, стати их рассмотрели внимательно
И ощупали подробно, ибо важную роль женщинам сыграть предстояло - варваров
Танцем смерти своей развлечь. Проста игра эта была очень и лишь в том состояла -
Шесть вервий прочных поверх бревна поднятого забросили, и шесть петель связали.
Каждую петлю на голову рабыне молодой надели, затянули аккуратно, после чего
Так вервия выбрали, что лишь пальцами ног самыми кончиками могли невольницы
До песка дотягиваться, иллюзию себе создавая, что могут они на цыпочках устоять,
После чего вервий концы свободные к кольям, прочно в землю вбитым, привязали.
Конечности женщин молодых обнаженных при этом гильветы свободными оставили,
Не связывая им руки и ноги, дабы на невозможные, но интересные любоваться
Попытки их тщетные петлю распустить, или на песок, близкий столь, встать твердо,
Танец смерти лихорадочный перед зрителями, на потеху жадными, развернулся тогда.
Ибо в попытках о землю вожделенную опереться рабыни прекрасные ноги непристойно
Задирали, при этом все места интимные - вульву разверстую и анус сжимающийся -
В движениях, о скромности не заботящихся, взорам жадным гильветов показывая,
Руками же, ногти срывая, при этом узел петли хоть как-то ослабить пытаясь напрасно.
Но танец их бесстыдный лишь к тому приводил, что туже еще петля затягивалась,
Артерии в девичьей шее стройной пережимая, и крови поток в мозг сокращая резко,
Отчего их лица испуганные постепенно темно-красными становились, глаза же из орбит
Вылезали, а крики, громкие поначалу, лишь в хрипение приглушенное превращались.
С хрипением этим одновременно у всех шестерых сразу мускулатура расслабилась
Уринальная, поскольку же крутиться продолжали они во все стороны на вервиях,
Ноги свои задирая, то толстые струи мочи горячей, зрителей веселя, тоже полились
Во все стороны, и друг друга поливая, и варваров в сторону отскочить вынуждая.
Столь много силы жизненной, богами посланной, в невольницах молодых оказалось,
Что никак не соглашались они борьбу, проигрышную заведомо, прекратить и в царство
Плутона добровольно отправиться, гильветы их уже и вниз за груди подтягивали слегка,
И мечами щекотали, девочки же всё никак не желали танец смерти свой прекратить.
Уж тени, солнцем заходящим отбрасываемые удлинились заметно, как пленниц висящих
Движения замедлились, лишь изредка одна из них руку или ногу приподнять пыталась,
Но до конца жест довести не могла. И с тем одновременно управление они теряли

Одна за другой над сжатым сфинктером своим и контролем желудка отправлениями.
Шумно гильветы приветствовали это танца смерти окончание, когда из отверстий
Анальных нагих рабынь молодых, на вервиях покачивающихся, испражнения жидкие
Вниз по ногам их стекали. Оота же, по-прежнему на пенисе Крулла сидючи, в восторге
Восхищения визжала от прилюдной - пред мужчинами - дефекации столь непристойной.
Трое воинов закончить тогда решили представление это, затянувшееся сверх меры.
По очереди к каждой из пленниц висящих, живых еще, они подходили; двое за ноги
Брались, в стороны их разводя, третий же меч длинный - в два локтя - со всей силы
Снизу в вагину ее разверстую всаживал, один ударом до рукоятки в туловище загоняя.
Когда же лишь тела безжизненные висеть остались, с кровью, по ногам загаженным
Льющейся, сняты эти тела были, для чего мечом тем же шеи им под петлей ударом
Меча единственным перерубались. Возбудилась Оота сверх меры всякой зрелищем
Насилия жестокого, и опасно сверх меры темп прыжков на пенисе Крулла увеличила.
Но поняла нубийка сразу, что с огнем, ее самоё спалить могущему, играет, ибо недавно
Лишь неудовольствие в газах вождя видела, когда он, также как сейчас, от прыжков ее
Близок к оргазму преждевременному оказался, потому замедлилась сразу, дабы Ооты
Голова рядом не оказалась лежащей с головами рабынь, только что умерщвленных.

Глава XIX, в которой рассказывается о четвертовании красавицы черноволосой, первой из четырех женщин к Круллу приведенных

Зрелищем пресытившись детишек, в петле для гильветов услады смерти исполняющих
Танец, Крулл повелел грозно для игрища нового зрелых женщин привести, с формами
Развитыми, пока же одну из невольниц-подстилок под ним сменить, ранее задушенную,
Ибо остывать она стала, вождя спине этим неудобство мертвечины холодом доставляя.
Пока одни воины, приказание вождя исполнять кинувшиеся, новые жертвы для забавы
Смертельной отбирали, другие варвары подстилку мягкую привели и, обнажив, Круллу
Со всех сторон показали. Доволен он остался телом ее пышным, и, Ооту не ссаживая
С себя, спину прогнул, дабы мертвую подстилку из-под него вытянули и в костер бросили.
Новая же подстилка быстро в пространство освободившееся проползла и, ноги раскинув
Широко, улеглась, живот свой мягкий и груди налитые удовольствию вождя подставив.
Как и остальным подстилкам, спину Крулла согревающим, кинжал ей неглубоко в вагину
Воткнули, дабы движением своим нечаянным она вождя усладу и негу не потревожила.
Тем временем воины, на поиски героинь игрища нового посланные вернулись, с собой
Приведя четверых невольниц белокожих, прекрасных красотой зрелой, лишь окончанием
Второго десятка лет достигаемой, и, в страхе пред испытаниями грядущими, дрожащих,
С глазами широко раскрытыми, причем, торопясь, не успели еще воины их обнажить.
Когда же, знаку вождя повинуясь, скинули гильветы с пленниц паллы и туники, увидели,
Что из женщин приведенных одна беременной оказалась, хоть и не видно этого сначала
Было под одеждой ее широкой. Не на сносях еще, но за вторую половину беременность
Ее перевалила заметно, месяцев на семь, ощутимо живот округлив и соски затемнив.
Однако для испытания первого не ее Крулл выбрал, а красавицу черноволосую с талией,
Часам песочным подобной и большими грудями полными с сосками бледно-розовыми.
К запястьям ее вервия привязали - те же, на коих подруги ее, молодые более, качались,
Вервия же эти через бревно горизонтальное перекинули и натянули, руки ей приподняв.
Руки ее вверх вытянулись напряженно, тело всё поддерживая, ибо длину вервия такой
Оставили, что лишь на самых пальцах ног стоять она могла. Однако положение женщины
При зрелище этом прекрасном наблюдателям возможности не давало любоваться
Частями всеми вульвы ее зрелой, лишь выбритый начисто Венеры бугорок показывая.
Потому лодыжки ей по одной перевязали, и, через то же бревно вервие перекинув, вверх
Подняли, дабы ноги ее горизонтально располагались, губы большие вульвы распахнув
Широко и клитор, высовывающийся из капюшона розового своего, с губами малыми,
Видимые отчетливо, вниманию поклонников своих мужских и оценщиков предъявляя.
Лишь на руках женщина двадцатилетняя висеть осталась, в воздухе одном, посередине
Временной постройки пыточной гильветов, в обездвижении собственном и полностью
Должная положиться на милосердие захватчиков своих. Тем же милосердие не присуще

Было, что многократно двух дней на протяжении наблюдала уже невольница висящая.
Хоть вред пока и не был ей нанесен, понимала она отчетливо, что во взглядах мужских,
На нее бросаемых, лишь тело мертвое видно, и теперь лишь времени вопрос остался -
Сколь много его отпущено и сколь жестокой и мучительной кончина ее неизбежная будет,
Тем более заняться пытками ее вождь Горру поручил - из варваров самому сильному.
Один вид гиганта этого страх внушал, как и занятие его пред назначением почетным,
Ибо его всем остальным воинам своим вождь предпочел. Занимался же Горр коитусом,
Но не с пленницей какой-либо, а лишь с головой, от женщины молодой отсеченной,
В руках под животом своим голову эту держа и на пенис свой ритмично насаживая.
Но не в рот он коитусом естественным занимался, а в шею ее разрубленную, в горла
Отверстие окровавленное пенис огромный вводя; изо рта же, в крике безмолвном
Раскрытого, головка багровая, кулачок детский размерами напоминающий, подобно
Языку непристойному, высовывалась, изгибаясь, будто не с того конца она орган сосала.
Кровь свежая от занятия такого из шеи по тестикулам Горра стекала, на землю капая,
Оота же по лицу головы насилуемой одну из девочек узнала, повешенную только что,
Отчего в волнении на пенисе Крулла подпрыгнула, чуть не соскочив, тем более поразил
Ее огромный меч двусторонний, который Горр, вождя приказу повинуясь, с земли поднял.
Столь велик меч этот был, что лишь бог иль великан, Горру подобный, владеть им мог.
За поясом же Горра в ножнах кожаных нубийка кривой нож восточный узнала, столь часто
На глазах ее при хозяев игрищах кровавых, в коих и она участие не единожды принимала,
Для потрошения женщин используемый, как мертвых, так и живых, что интересней было.
Однако Ооты волнение ей не помешало внимание свое Крулла ублажению посвящать,
Ослабления не допуская пениса его могучего, анальный проход нубийки шлифующего,
Хоть всё захватывающее при Горра появлении смерти оргия становилась, и ожидать
Следовало новых игр творческих, гильветами придумываемых, при бойне затеваемой.
Губу от нетерпения прикусив, ждала Оота, когда же, наконец, черноволосая красавица,
К испытаниям жестоким подготовленная, первой кровью своей песок под ногами окрасит.
Ожидания ее исполняя, поднял Горр меч свой, для эффекта пущего над головой крутанул
И резким ударом одним могучим на ногу чуть бедра ниже рабыне привязанной опустил.
Столь тот удар силен оказался, что начисто ляжку ей в месте самом широком перерубил,
Отчего нога, от женщины отдельно привязанная, на вервии своем закачалась, рабыня же
От ужаса закричала и на вервиях своих закрутилась во все стороны разные, тем самым
Гильветам в ракурсах всех свой пень толстый, кровью фонтанирующий, демонстрируя.
Хоть крик женщины этой и громок был, но вовсе в визг перешел, когда Горр вновь поднял
Меч свой громадный и, глаз один чуть прищуря, прицелился для удара нового нанесения.
Второй удар симметрично оставшуюся ногу отсек, отчего красавица на треть легче стала
И на руках своих, к бревну привязанных, грудями полными шевеля, в стороны закачалась.
Одновременно мочи струя толстая с шумом, крик заглушающим почти, из нее хлынула
Непристойно, за тела покачиванием вслед в места разные, в песок впитываясь вместе
С кровью, из обрубков фонтанирующей, к тем пятнам темным присоединяясь, что до нее
Полудюжиной девочек, на бревне том же горизонтальном повешенных, оставлены были.
Обут Горр был в кильты жесткие военные, но с мысами острыми, по противнику ударам
Предназначенными. На меч свой, в землю воткнутый, оперся великан, ногу одну поднял,
И носок острый в вагину рабыне засунул немного, жутким ревом, отчасти лишь смех
Напоминающим, движение сопровождая; поковырял там, женщину на руках раскачивая.
Потом с силой ногой снизу по вульве ударил, на вервиях рабыня закачалась, от удара
Кровь не только из ног обрубленных пошла, но и из вагины хлынула. Горр же тогда кол
Деревянный заостренный поднял, в шесть локтей длиной, кричащую женщину безногую
Ухватил, и в отверстие ее анальное толчком одним на два локтя с лишним его загнал.
Руки одной от кола не отрывая, меч свой огромный великан тогда взял и со свистом его
Над женщины головой провел, руки ей в локтях обрубая, после чего туловище кровавое
Четвертованное на палке деревянной поднял, трофей свой демонстрируя, и в песок
Второй кола конец воткнул, скульптуру, на анусе держащуюся, зрителям представляя.
От кровопотери обильной, чрез четыре обрубка исходящей, быстро рабыня в Плутона
Царство отправилась, но гильветы, последними жизни ее мгновениями наслаждающиеся,
Признали дружно, что торс красавицы четвертованный столь же им привлекательным
Показался, как и тело всё обнаженное, при жизни краткой столь от испуга дрожащее.

Глава XX, в которой рассказывается об убийстве еще двух женщин из четырех, к Круллу приведенных

Следующей жертвой из женщин четырех, Круллу приведенных, была женщина отобрана Из стран дальних неведомо, ибо голова у нее выбрита наголо оказалась, что в местах, Ооте известных не делалось. Приказали ей самой пред гильветами обнажиться, и руки Вверх над головой высоко поднять, что со страхом и выполнилось ею незамедлительно. Ибо хоть понимала женщина бритая, что время смертное ее настало, но все же спорить Бесполезно с великаном жестоким, потому и разделась беспрекословно, нагой оставшись Пред варваров взглядами ухмыляющимися, и руки вверх подняла, груди свои полные Этим так приподняв, что соски в Горра сторону устремились, а живот стройный подобрав. Поднял тогда Горр меч свой чудовищный и острием в сосок женщины уперся, нажав Слегка, но не вдавил грудь, хоть большую, ибо острым меч был, а до кости прорезал, Сосок с ореолом вертикальной чертой красной перечеркнув. После того с другой грудью Горр пытку повторил, лишь в том отличие создав, что чертой горизонтальной ее пометил. Оота, губы от волнения облизывая и вождя пенис не забывая анусом своим ублажать, Смотрела, как по рабыни грудям и животу, с розовых близнецов млечных перечеркнутых Начинаясь, струйки красные текут, в ложбине, ноги разделяющей, исчезая, и любуясь Фигурой ее стройной, Флору напоминающей, разрезом высоким Венеры бугорка литого. Закричала женщина, не столь от боли, а от страха, понимая, что полностью во власти Мясника жестокого находится, хоть и не связанная, но шевельнуться права не имеющая, Ибо испытание пыточное по началу не столь болезненным было, как ожидать она могла, На игры гильветов насмотревшись, но зная, что время уходящее срок жизни ее отмеряет. В варваров мнении, Оота знала, женщины голые эти куда ниже считались, чем животные Мясные, для убоя приготовленные, ибо рабыни служили лишь для Амура утех, но столь Жестоких, что только под пытками погибель хозяевам их требовалась, а гильветов Взорам лишь кровь жертв своих требовалась и ужас предсмертный, в глазах застывший. В жизни своей короткой со столь частым насилием чрезвычайным над женщинами Оота Сталкивалась, что привыкла лишь забавляться этим, столь же пытками возбуждаясь, Как хозяева ее, ибо формы развлечения иной не знала нубийка десятилетняя. Сейчас же С волнением смотрела на женщины полное покорение, нагой перед Горром стоящей. Хоть и могла та в сторону отскочить, иль убежать, не делала этого, лишь телом всем Дрожала, отчего на коже ее обнаженной бугорки гусиные выскочили, а по ноге струйка Желтая потекла непроизвольно. Понимала она, что момент пришел смертью ужасной Погибнуть не ради цели высокой, а лишь для захватчиков ее развлечения кровавого. Горр ноги расставил широко, в песок их упер, меч свой чудовищный, плашмя держа Над землей, назад за спину завел, размахнулся, прицелившись, и ударом единственным Могучим рабыню бритоголовую в талии перерубил. Нижняя женщины половина, колени Растопырив смешно, вперед упала, вверх ягодицы раскрытые непристойно выставив. Верхняя же часть ее назад отлетела, головой безволосой о песок ударилась, груди же Полные подпрыгнули, в стороны качнувшись, как спина на землю упала. Увидели тут все, Сколь чист разрез поперечный могучего меча был, ибо внутренности так идеально ровно Рассечены оказались, что, даже освободившись, выскользнуть из нутра ее не спешили. Горр тогда второй кол с земли поднял, в песок рядом с первой жертвой своей воткнул И верхнюю тела половину женщины бритоголовой на него насадил, дабы нелегкую Работу его гильветы смогли оценить. Сам же великан к третьей рабыне тут подошел, Которую за руки поднятые тем временем к бревну горизонтальному привязали крепко. Тем временем, развлечения ради, один из воинов молодых часть нижнюю приподнял Рабыни рассеченной, вагиной ее насадил на пенис свой, от зрелища представившегося Эрегированный уже и коитусом занялся, туловище за ягодицы схватив, на себя надевая. Хоть мертва вагина была, но теплая еще, даже влажности выделение воин почувствовал. К третьей жертве, руками к виселице привязанной, подойдя, учуял Горр испражнений Запах и пленницу к зрителям спиной перевернул. От представления такого засмеялись В восторге гильветы, ибо увидели, что лишь от страха перед мечом приблизившимся, Действие которого ужасное видела она, фекалии из нее на песок падали, ноги пачкая.

С рыком ужасным, ржание лошади скорее напоминающим, смех нежели, в сторону Горр
Меч свой чудовищный отложил, чем пленницу привязанную так удивил, что застыла она,
Ибо ожидала, что в ход это оружие сейчас пущено будет. Горр, однако, безоружным
Пред рабыней не остался, из ножен потрошильный восточный кинжал изогнутый вынув.
Пленница привязанная от испуга завизжала пронзительно, когда за грудь ухватившись
И на себя оттянув, длинную ровную линию красную Горра нож острый сверху груди одной
У основания ее провел, вслед за тем без промедления великан рассек сверху глубоко
Грудь вторую. Потом он руки в надрезы грудей пышных вложил до запястья, вниз рванул.
Разорвалась от того плоть ее нежная, на живот груди полуоторванные упали, мясо свое
Открывая - красное, кровью по бокам истекающее, и светлое, бело-желтое внутреннее.
Горр же со спины пленницы зашел, ноги ей пинком раздвинул и в анальное отверстие,
Нечистотами ее собственными испачканное, нож свой с лезвием изогнутым воткнул.
Ввел он его до рукоятки, и гильветы, пред пленницей расположившись, увидели, как ножа
Кончик, внутренности прорезав и кожу проткнув, чуть ниже пупка пленницы показался.
Улюлюканием восторженным встречено это было, ибо коитусами многочисленными
Пресытившись, лишь рабынь богоподобных смерть жестокая их пенисы возбудить могла.
Столь же и Горр истинную ценность пленниц оценивал лишь красочностью зрелища
Пыточного, кое рабыня их взорам голодным могла представить, что не так от нее самой,
Как от палача зависело, женщин испытанию жестокому подвергающего. Потому рывком
Мощным он вниз ножом надавил, вскрытый проход анальный, живот и вагину рассекая.
Кишки женщины располосанные, не удерживаемые ничем боле, из нее повалились сразу,
Чрез живота разрез выскальзывая и между ног раздвинутых дымящейся кучкой ложась,
Сверху же новые падали, с потрохами вместе. Дождавшись действия этого окончания,
Обратно в ножны Горр кинжал вложил, меч свой огромный поднял и над головой занес.
Кверху пленница распотрошенная голову задрала и закричала пронзительно, глядя на то,
Как острое лезвие размеров чудовищных на нее опускается. Лишь единственным ударом
Могучим наискось чрез кости все Горр женщину перерубил, на плечо левое меч опустив,
Меж грудями налитыми проведя и над изящным бедром правым орудия путь закончив.
Еще раз показал великан силу свою огромную и умение невероятное мечом тяжелым
Владеть, что криками и свистом одобрительным гильветами остальными встречено было.
Пленницы же тела верхнюю часть, под углом перерубленную, на третий кол насадил
Великан и рядом с женщин двумя телами, пред тем им умерщвленными, в песок воткнул.

Глава XXI, в которой рассказывается о страшной смерти беременной женщины, последней из четырех, к Круллу приведенных

Теперь уже и до четвертой пленницы, с содроганием на казнь подруг своих взирающей,
Очередь дошла. Столь прекрасна была она, лицом и фигурой, за живота исключением,
Венере подобная, что беременность, заметная изрядно, лишь красила ее, груди наливая
Соком спелости женской, соски увеличивая и блеска в ее глазах испуганных добавляя.
Как и пленницу первую из четырех, к Круллу приведенных, в воздухе под горизонтальным
Бревном ее подвесили, запястья и щиколотки вервиями перевязав, чтобы на руках одних
Висела она, ноги же, раздвинутые широко, почти земле параллельно оказались, вульву
Разверстую, к родам готовую и выбритую чисто, гильветов взорам жадным открывая.
Красоты своей по причине из рабынь четырех напоследок оставили ее, как для пира
Завершения закуску аппетитную, ибо и ноги ее длинные лучшими, чем у пленниц других
Казались, и ягодицы поджарые, беременностью не испорченные нисколько, и груди
Высокие, с сосками острыми, не отвисающие нисколько, и лицо римское классическое.
Высокий воин варварский, лишь средь зрителей до того стоящий, от зрелища красавицы,
На потеху гильветам вывешенной и распяленной, искушению в играх Амура участвовать
Противиться не способен оказался, потому со спины пленницы зашел, на головку пениса
Своего огромного плюнул, и, ягодицы ей разведя, с силы всей женщину на себя подтянул.
Толчком единственным через отверстие анальное напряженное прошел он, и пенис свой
Толстый захоронил до тестикул полностью в анусе ее. От ужаса, коитусом в позе такой
Раскрытой вызванного, сфинктер она со всей силы сжала, так пениса основание схватив,
Что двигаться, ритмично член свой выводя из отверстия узкого, варвар не мог более.

Однако не помешало это ему нисколько коитусом наслаждаться, ибо, руки свои протянув
Сзади, зажал он грубо груди ее и, их трепя, качанием тела всего подвешенного управляя,
Со страстью бешенной пенис свой в анус всаживать стал. Женщина бедрами связанными
Задвигала, пытаясь тщетно захватчика непрошеного, боль создающего, из себя изгнать.
Однако движения ее судорожные воину лишь помогали, казалось даже, что отзывается
Она специально насильнику в такт. Но пениса через перегородку из отверстия анального
По матке удары сильные сокращаться ее заставили, плод из колыбели изгоняя, тесной
Становящейся, отчего кости тазовые расходиться стали, схватки предродовые начиная.
От боли роженица закричала, но остановить тела своего потуги внутренние не могла,
Вульва ее расширилась, бесстыдно взоры мужчин гогочущих принимая, край младенца
Головки, из отверстия узкого вылезающего, показался, ибо роды начались, хоть матери
Положение, за конечности привязанной и над землей висящей, к тому не располагало.
Губы рабыни нижние в стороны разошлись, блестящую розовую поверхность внутреннюю
Показывая, и, хоть плода головка показываться начала, виднелись ясно мускулов вульвы,
Сейчас даже на вид прекрасной, движения пульсирующие, вызываемые насильника
Пенисом. Из вагины же воды предродовые молочно-белые хлынули, на песок изливаясь.
Но сменилась вод этих расцветка быстро, розоватой сначала становясь, красной затем,
Показывая, что прорвался пузырь, плод находился в коем, ибо наружу ребенок выходил.
Крулл же тогда, Ооту не ссаживая, кнут свой чудовищный в руку взял и, прицелившись,
Рабыню рожавшую хлестать стал по животу выпирающему и от схваток пульсирующему.
Оттого женщина закричала еще истошнее и дергаться судорожно в путах своих стала,
Хоть привязана надежно была, сзади же еще пенисом и руками воина удерживалась.
Чуть задел при этом кнут торс воина, женщину насилующую в самом родах процессе,
Что лишь участило гильвета движения, к эякуляции вожделенной приближающегося.
В силах собственных мужских уверенный, за длинные волосы вьющиеся грубо воин
Роженицы прекрасной голову схватил и так назад оттянул, что шея ее горбом выгнулась,
Сам же взревел торжествующе и застыл в содроганиях внутренних, ибо в кульминации
Момент этот самый в кишки ее как мог глубоко потоки бушующие спермы выплескивал.
Недолго отверстие ее анальное пустовало, ибо, как гильвет пенис свой опорожнившийся
Вытянул, на ягодицы роженицы капли последние стряхивая, новый воин место занял,
Лишь только освободившееся, бедра ее руками мощными схватил и копье напрягшееся
Свое легко на глубину полную ввел, спермой насильника предыдущего полно смазанную.
Лишь анальные фрикции безжалостные молодой рабыни рожающей тела растянутого
Варвар новый начал, как увидел, что Горр с кинжалом своим восточным изогнутым,
Для невольниц беззащитных потрошения предназначенным, к ним подходит; потому,
Сразу руки свои, живот ее надутый обжимающие, убрав, за плечи женщину схватил.
Ибо не знал еще воин, с какого части рабыни Горр к работе своей кровавой приступит,
Но понимал отлично, что великан не смутится и не остановится, если на ножа его пути
Рука или пенис гильвета иного окажется, поскольку не были Крулла варвары братством
Единым, в том именно сила их заключалась, что каждый лишь за себя одного отвечал.
Потому и не могло безумца найтись среди них, кто сам добровольно подставить бы мог
Тело свое мечу Горра огромному или ножу его, для рабынь потрошения используемому.
Сегодня же день был лишь для наложниц бойни, а не гильветов наказанных децимации,
И не место было героизму глупому перед Горром, с блеском в глазах приблизившимся.
Начало представления следующего увидев, и мысленно только лишь представив себе,
Что кривое лезвие ужасное с беспомощной женщиной рожающей сделать готово будет,
Сцены в предвкушении затрепетала Оота малолетняя, на Крулла пенисе сидящая,
И контролировать тела своего отправления естественные перестала неумышленно.
Потому из нее золотая струя толстая прямо по Крулла животу и гениталиям ударила,
Что не было Круллу оскорблением, ибо моча, из женщины, коитусом занимающейся,
Исходящая, лишь наслаждение чувственное мужчине усиливало. Мускулов нижних Ооты
Расслабление и дефекацию вызвать могли бы, если б анус ее пенисом запечатан не был.
Причина же сущая Ооты трепета в том была, что понимала нубийка судьбы начертание,
Богами предустановленное, роженицы молодой и младенца ее, на свет появляющегося.
В том их планида была теперь, чтобы обоим смертью жестокой под пытками кровавыми
От гильветов рук погибнуть, тем самым зрелищем себя наслаждение варварам принеся.
Для замученной же роженицы изнасилование анальное непрерывное вкупе с видом ножа,

Ибо бездействием никогда неизбежное не остановишь, а лишь участием добровольным
В игрищах любых, особо в игрищах с избалованными игрушками Венеры малыми, немало
Коих перевидала она, дабы уяснить, что сутью своей были эти игрушки дешевы и презренны,
Лишь тому предназначаясь, чтоб тестикулы людей многих одновременно сперму выработали.
Из-за кольца огромного не могла мясоносительница сама не только родить, но и надеяться
Когда-либо пенис в нижних отверстиях ощутить, даже дефекация проблемой для нее была,
А дабы сонгаитянка оргазма мастурбацией не испытала, еще в детстве клитора ее лишили,
Потому в душе почитала мясоносительница особо женщин, дитя зачать и родить способных.
Игрушки же Амура, как девочка-нубийка эта, рано развившаяся, лишь ненависть ее вызывали,
Ибо, спермы животворящей столь много в жизни своей короткой получая, впустую тратили ее,
За игрушки малолетством, зачать потому не могущей. Оттого, сомнения никакого не ведая,
С размаха первый кнута удар мясоносительница негодующая по Ооте беззащитной нанесла.
Сонгаитянка чернокожая готова была все силы свои положить, дабы девочке ненавистной,
Развившейся слишком рано, урок жестокий преподать, охотно убила бы даже она нубийку
За красоту мерзкую и за позор, коий темною кожей своей игрушка та расу черную обрекает,
Главное же - за то, что целых полдня скакать она на пенисе вождя может, наяде подобно.
Не менее и то мясоносительницу раздражало, что добровольно игрушка противная под кнут
Подставляется, с предвкушением наслаждения улыбкой, вместо страха естественного.
Оота же к ожесточенным ударам жалящим отнюдь готова не была, и улыбку только в начале
Самом удерживала, ибо лишь ударов имитации от женщины, как и сама чернокожей, ожидала.
Второй кнута удар живот нубийки пересек и на спину изогнулся. Столь острым и внезапным
Укол его был, что еле удержала Оота в анусе своем Крулла пенис, вскрикнув от боли жгучей,
Но более от страха за жизнь свою, ибо ранее во всех игрищах беспощадных участие девочка
Принимала всегда как зритель, либо орудие наказания, но никогда до того - как предмет его.
Внезапно, впервые в жизни своей короткой, настолько уязвимой нубийка себя почувствовала,
Хоть наблюдала многократно порку рабынь владельцами их жестокими, страданиями женщин
Тогда наслаждаясь, ибо в мире цивилизованном невольниц и жен наказание источником было
Развлечения, особенно для хозяев богатых, потерю невольниц нескольких могущих перенести.
Оота же достаточно умна была, чтобы соблазнительницу малолетнюю изображать успешно,
И улыбка озорная не на плахе ей место всегда приносила, а на зрителей и хозяина стороне,
Либо на пенисе его, где обучение гаремное плоды сладкие давало и владельцами ценилось,
Сейчас же положение ее, гильветов жестоких пленницы бесправной, совсем иным было.
Ибо нисколько не интересовались варвары рабынь ценностью и умением их в играх преуспеть
Венеры затейливых, иное вовсе ценилось - сколь рабыня громко кричать могла, сколь долго
Расчленение и живота потрошение вынести могла и сколько крови отдать до путешествия
Последнего в Плутона царство подземное, да сколь путешествие это зрителями оценится.
Удар кнута следующий поперек живота нубийки напряженного пришелся, кончиком же своим
Кнут по лицу Ооту ударил, губу ей нижнюю рассекая. От крови вкуса девочке показалось,
Что сейчас на ноги вождя грозного стошнит ее, чего испугалась она, ибо смерть принесло бы,
И понять пыталась, сколь еще крови из нее выльется до Крулла удовлетворения полного.
Новый удар меж ног Ооты пришелся, на волос лишь Крулла тестикулы не задев, но по бугорку
Венеры пройдя и ровно меж складок губ ее малых, отчего боли взрывом девочку обожгло,
И капли крови темно-красные на вульве незрелой выступили. По месту для женщины любой
самому болезненному удар тот пришелся, причем по Крулла приказу женщина его нанесла.
Но даже не женщина женщине боль ту причинила, а женщина ребенку еще не созревшему.
По телу же девочки оливковому полосы багровые набухать стали, с крови капельками
На вершине, что рабами хорошо обученными в мире цивилизованном как наказание
Отнюдь не восприниматься долженствовало, а лишь как хозяина своего обслуживание.
Ибо участь рабов непременная в получении ударов кнута состояла, и шрамами хорошими
Многочисленными гордилась челядь дворовая, поскольку владельца внимание обозначалось
Образом таким, и как поощрение рассматривалось. Степенью же высшей гордости этой
Развлечение хозяина считалось, убийством, изощренным сколь можно, рабыни достигаемое.
Если слишком быстро смерть наступала, богов возмездием это было за жизни прегрешения,
Либо владельца - за проступки совершенные. Иначе совсем - смерть роскошная, медленно,
От мук во избавление приходящая, при которой болью невольницы хозяин наслаждаться мог;
Смерть такая венцом карьеры рабыни любой была и службы ее поощрением окончательным.
Начала понимать Оота, что вряд ли живой этот берег покинет, потому решила роль свою,

Ее добровольным в женщин двух соревновании, все же кнутов удары заставляли ее сильнее
Вервие натягивать, ибо болезненно было для нее очень кольца давление, перемычку между
Органами для женщины любой самыми чувствительными - вагиной и анусом - разрывающее.
Но рабыни чернокожей усилия Ооте еще большие неприятности доставляли, ибо вервие,
Шею ее плотно сжимающее, и от сонгаитянки усилий дергающееся, дыхание ее затрудняло,
Тем более, Крулла приказ выполняя добросовестно, со всех сил руками, вспотевшими тотчас,
За торс мускулистый вождя она удержаться пыталась, а за столбы ног его - коленями своими.
Всё сильнее воины мясоносительницу чернокожую стегали, всё сильнее вервие тянула она,
Оттого Ооты руки проскальзывать стали, а вслед за кольцом натянутым меж вульвой и анусом
Сонгаитянки мясо упругое выпирать начало. Нубийки малолетней лицо краской фиолетовой
Налилось, глаза выпучились, рот, воздуха требующий, раскрылся широко, язык вывалился.
Руками удержаться не в силах более, отпустила Оота вождя торс, лишь ногами и сфинктером
На нем удерживаясь, ибо знала, что, пенис Крулла из себя выпустив, убита была бы тотчас.
Но владельцу повиновение цель ее теперь составляла, не жизнь собственная кончающаяся,
Потому, на вождя пенисе скакать перестав, лишь сжимать его пыталась в такт кнута ударам.
Умереть же, что теперь неизбежно стало, она красиво хотела и владельцу новому послушно,
Долг рабыни, утехам Венеры с малолетства предназначенной, выполнив пред всеми честно.
Узел на вервия петле тем временем артерию и горло пережал, дышать Оота не могла более,
А во рту, открытом судорожно, гильветы, вокруг собравшиеся, увидели десен ее кровоточение.
Цепляться все же нубийка продолжала за Крулла ноги, и усилие это дополнительное, воздуха
Нехваткой усугубленное, к тому привело, что сознание нубийка терять стала, а с ним вместе
Контроль утрачивать над тела своего действиями естественными, оттого внезапно бурная
Из нее горячая струя желтая на Крулла могущественного живот хлынула, залив его полностью.
Быстро девочка к Плутона царству подземному подходила, а сознание потеряв окончательно,
Разжала она ноги, от перенапряжения мускулов дрожащие, и, сфинктером расслабленным,
С громким звуком, смешным очень, вина забродившего амфоры открывание напоминающим,
С Крулла пениса сорвалась, спиной на песок упав, и борозду длинную по нему прочертив.
Столь сильным ослабление вервия напряжения внезапное было, что и мясоносительница
На ногах устоять не сумела, грудями своими, спиралями пережатыми, в песок уткнувшись.
Крулл же, от груза надоевшего нубийки малолетней избавившись, к колеснице поверженной
Римлян побежденных подошел, и, ногой упершись, огромный крюк железный из нее выдернул.
После того, к Ооте лежавшей наклонившись, вождь крюк тот в анус всадил, им же растянутый,
Девочки, бездвижно на песке с раскинутыми ногами лежащей. С силой крюк повернув, того
Крулл добился, что стержень железный изогнутый вагину нубийки проткнул, яичники ее, пузырь
Мочевой, недавно лишь опорожненный, и через низ живота вышел, чуть выше кости лобковой.
Новая ручка железная в Ооте теперь торчала, мясоносительницы большого кольца наподобие,
Крулл же ребенка, сознания лишившегося поднял, и, жизнь пытаясь вдохнуть, несколько раз
По лицу ударил, пока затуманенные глаза нубийка не открыла, хоть тело ее детское по-прежнему
Безвольным и расслабленным оставалось, невзирая на боль ужасающую от крюка воткнутого.
Воины тогда, вождя приказу повинуясь, на ноги мясоносительницу поставили, и кнутами вновь
По спине и ягодицам хлестать стали, опять принуждая вервие натягивать, Крулл же крепко
Крюк железный держал, дабы петля на нубийки шее не расслаблялась, а более натягивалась;
Тем самым промежности женщин обеих предметами металлическими натягиваться стали.
Фактически в силе соревнование Крулла и сонгаитянки началось, с Оотой вытянутой - за шею,
Вервием пережатую, и крюком за кость лобковую, меж борцов посредине, отчего вновь девочка
Сознание терять начала, хоть и отчаянную последнюю попытку бесполезную вырваться сделала,
Чем у гильветов, на представление восхищенно глядящих, крики и одобрения свист вызвав.
Понимали зрители, что в борьбе такой недолго ребенок проживет, но и смерть соревнование
Прервать не могла, ибо единственный вопрос, варваров занимающий был - чьи гениталии
Первыми напряжения не выдержат и вырваны будут - мясоносительницы чернокожей от кольца,
Вервием натянутого, или нубийки от крюка железного, в Крулла руке мускулистой зажатого.
От соседних костров воины подошли, ибо очень интересным игрище это новое получалось,
И спорить начали, чье мясо первым от хозяйки своей оторвано будет, но споры те не на деньги
Заключались, как в странах цивилизованных издавна принято было, а на ухо собственное,
Что обычным у варваров считалось, когда выигравший проигравшему сам его отсекал.
Крулла жесту повинуясь, порку сонгаитянки чернокожей кнутобойцы усилили, не только по спине
Всей ее ударяя, но и по молочным пузырям надутым грудей больших, спиралями перетянутых,

И по гениталиям блестящим с пигментацией темной, забавно вслед за кольцом вытянувшимся.
Изо всех сил вервие сонгаитянка тянула, оттого все ближе Оота к Плутона царству подбиралась.
Ребенка шея вытянулась напряженно, глаза же выпученные закатились, и лишь лекаря помощь
Срочная могла бы теперь смерть ее предотвратить, но вовсе не собирался Крулл порядок вещей
Естественный менять, даже мысль не могла прийти такая, ибо не для того игрище затеяно было,
Чтобы невредимыми из него выйти смогли участницы, столь в гильветов глазах незначительные.
Внезапно Крулл могучий, ногами в песок упершись, со всей силы крюк на себя дернул, игрище чем
Закончил, ибо столь сразу вервие натянулось, что нубийки голова от туловища оторвалась вмиг,
А сонгаитянки кольцо серебряное из гениталий вырвалось, новым отверстием единым огромным
Вагину и анус разрывая, при этом скользкие кишки ее толстые вслед за собой из нутра вытягивая.
Ибо от Крулла толчка вновь вперед мясоносительница ничком упала, грудями в песок уткнувшись,
И при падении внезапном этом внутренности чрез межножье разорванное сами выползать стали.
На ноги тогда сонгаитянка встать попыталась, но полностью ей движение не удалось, лишь торс
Приподнять сумела она, на руках и коленях в позе возбуждающей коитуса вожделения застыв.
Из гильветов воин один поднял тогда с земли Ооты голову, петлей оторванную, и толчком одним
Чрез открытую широко промежность разорванную сонгаитянки, на коленях стоящей, уткнувшись
В песок головой, в живот ее втиснул, после чего кнута ударами по ягодицам мясоносительницу
Вперед заставил ползти, за собой след разматывающихся внутренностей и кишок оставляя.
Доползла сонгаитянка до кромки воды, но и тут варвар в покое ее не оставил, принуждая
К движению дальнейшему в моря глубины. Но не была мясоносительница с детства плаванию
Обучена, ибо в пустыне безводной жила, потому утонула быстро, лишь кишок змеей плывущей
Место отмечая, где она и Ооты голова последний свой день в царстве живых закончили.

Глава XXIV, в которой рассказывается о бойне рабынь заключительной и Крулла размышлениях, повествование это завершающих

На телах двух подстилок своих, живых еще, Крулл стоял, в руке крюк держа с телом безголовым
Ооты, только лишь умерщвленной, и удовлетворенно берег осматривал, отмечая, что не только
Успешным вполне на римлян лагерь временный налет этот получился, но за месяцев много
Кровопролитие самое прекрасное произвел - солдат, моряков, и, главное, рабынь римских.
Ибо сотнями тел мужских и женских - жертвами забав кровавых гильветов берег усыпан был.
Считали римляне глупые, - про себя вождь усмехнулся, - что варвары все стрелки плохие,
Так вот самонадеянности их глупой результат! Хоть римлян тела ухоженные сильными были,
С мускулатурой рельефной, не смогли они гильветам сопротивления достойного оказать.
Гильветы же сами оргией двухдневной пресыщены уже были, вожделение свое кровью утолив,
Столь истощившись от игрищ жестоких, что пенисы у всех почти недвижно висели, ибо длинными
Дни эти оказались, столь игрищами насыщенные, однако в день следующий гильветам предстояло
Стоянку временную покинуть, потому начали уже некоторые к ночлегу спокойному готовиться.
Все же, не в силах от плоти наслаждений отказаться, блуждали воины многие среди сотен рабынь,
В живых еще оставшихся, поскольку в игрищах прошедших участие тех женщин планидой минуло.
Гильветы же, хоть кобылиц выбор минул давно, всё же прекрасных самых невольниц еще хотели
В стадо добавить, ибо жалко стало воинам некоторым неиспользованными многих оставить.
Лучших из них пред взором Крулла проводили, дабы мог он выбор свой окончательный свершить.
Более сотни рабынь самых чувственных выносливых ему показали, шанс последний им дав
Живыми сегодня остаться, хоть в будущем ближайшем насилию групповому подвергаться
Непрерывно, став, возможно, кобылицей полноправной для гильветов поголовья увеличения.
Лишь дюжину невольниц вождь выбрал, всех ощупав внимательно, дабы уважение к воинам
Предложению показать, и повелел рабынь отобранных к кобылиц стаду в загоне присовокупить.
Несколько женщин и девочек оставшихся лениво изнасилованы были воинами теми, у коих пениса
Силы еще остались, и скучно убиты после того, ибо фантазия тоже у гильветов всех истощилась.
К концу неизбежному оргия подходила, что Крулл вождя взглядом отметил, и сыграть приказал
Аккорд заключительный, каждый раз в тех случаях исполняемый, когда в завершение рабынь
Много неиспользованных остается. Для того гильветы большими луками римскими изогнутыми
Вооружились, и, в толпу согнав сотни невольниц, нетронутых еще, со всех сторон их окружили.

Каждый воин под левую руку колчан с длинными стрелами сдвинул и, по Крулла сигналу небо
От сотен стрел смертельных затмилось, в кучу визжащую рабынь прекрасных падающих,
Ибо стрела каждя почти цель свою находила в толпе сжатой столь плотно, что невольницы,
Погибшие уже, на песок упасть не могли, и стоя среди живых еще подруг своих замирали.
Причем столь сильны удары стрел этих были, и столь остры, что насквозь женщин пронизывали;
Одной из них, в первом ряду стоящей, в грудь стрела попала, и, через тело всё пройдя,
Оперением лишь в соске темно-красном застряла, украшение диковинное собой напоминая,
Из спины же ее более чем на локоть липкой вышла она, в следующую рабыню вонзившись.
Еще уязвимей уколам свирепым девочки маленькие были, ибо тело по возрасту тоньше имели,
Видно то стало, когда ряды первые женщин взрослых упали, дети же ударам открылись
Не только стрел, сверху падающих, но и горизонтально летящих, еще смертельных более.
Девочке одной в ягодицу детскую стрела вошла, вышла же из груди, лишь чуть соска ниже.
Другой ребенок, рядом стоящий, в бедро поражен был, острие же из ноги другой показалось.
Каждый выстрел воинов умелых цель поражал, а нагие женщины кричащие мишенями были
Весьма полезными для стрелков тренировки, ибо от смерти летящей уклониться пытаясь,
Мясом являлись подпрыгивающим, кое под углами различными поражать приходилось.
Груди же их, в прыжках болтающиеся, еще интересней зрелище делали, заодно гильветов
Возбуждая немало - пенисы их эрегировать заставляя, самих же стрелков побуждая не в тело
В местах любых попадать, а лишь в гениталии, временами открывающиеся, либо в соски,
Меткость свою друг пред другом демонстрируя, и мишень выбранную сообщая заранее.
Лишь тогда Крулл к стрельбы окончанию сигнал подал, когда ни одной на ногах стоящей
Не осталось рабыни, лежащие же все или бездыханны были, или в корчах предсмертных
Извивались; понятно стало, что женщины стонущие не позже, чем пред солнца восходом
Мучительным ходом медленным все до одной в Плутона царство подземное отправятся.
По причине этой перешли гильветы в бухты дальний конец, кровью и телами смердящими
Не оскверненный, рабынь всех погибших и умирающих гиенам и стервятникам оставляя,
Ибо отдохнуть и выспаться ночью наступающей пред походом дальним воинам надлежало,
Днем же предстоящим на привалах рабыни, в кобылицы отобранные, к услугам их будут.
Ибо циклична жизнь, и новое детей варваров пополнение должны кобылицы эти принести,
Для чего в месяцы ближайшие рабыня отобранная каждая обслужить должна многократно
Каждый гильветов пенис из двухсот почти, эякулировать способный, и горе кобылице той,
Что недовольство воина любого сопротивлением или действиями своими неумелыми вызовет!
Для племени же гильветов всего, - Крулл размышлял, на трупы в покинутом берега конце глядя,
Всегда новые римские лагеря, сопротивляться не умеющие, и деревни беззащитные есть,
Где грабить безнаказанно можно, жителей для увеселения своего в игрищах кровавых вырезая,
А с солдатами самонадеянными сражаясь, навык воинский варварам подрастающим передавать.
Женщин же и детей любых, в деревнях этих обитающих, либо в воинских лагерях находящихся,
Всегда пленить можно, дабы изнасилования жестокого после в мясо бездыханное превратить.
Жизнь гильветов всегда новыми приключениями должна быть полна, и если где-нибудь кровь женская
По жилам течет, гильветов племя, Круллом возглавляемое, всегда эту кровь пролить обязано.